Р 4-4 №66
РОС1-420
ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 11-44

№ 66 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ДЕКАБРЬ 1962 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

38-й год издания

НЕЗАБЫВАЕМОЕ И НЕЗАБЫВАЕМЫЕ

Знаменательные даты бывают в каждом году, но в этом (1962) году их особенно много. Рамки статьи не позволяют коснуться всех их, — отметим лишь некоторые.

Прежде всего следует остановиться на русской революции — февральской и октябрьской — достигшей уже 45-летнего возраста. По новому календарю (а он теперь почти везде считается официальным календарем) февральская революция произошла в марте, а октябрьская — в ноябре. Март месяц — начало весны, а ноябрь — начало зимы. В марте — все пробуждается, все оживает, а в ноябре — все умирает, все завядает. Это очень соответствует русской революции. Лучшей иллюстрации и придумать нельзя.

В марте месяце (в 1917 г.) треснул лед, веками сковывавший страну, разорвались тучи, тоже веками заслонявшие солнце-правды. Зазвенели ручьи весеннего половодья, засверкали алмазами лучи раннего солнца в капельках росы. Но вот пришел ноябрь и опять все покрылось льдом, опять нависли свинцовые тучи.

Почему так произошло? В природе пробуждение весной, а осенью завядение — явления вполне естественные, но нельзя такую „хронологию" назвать естественной в социальной жизни. Еще во времена Владимира кто-то сказал, что человек, вкусив сладкого, не захочет горького. Тут же получилось как раз наоборот: отведав сладкого, перешли на горькое. В марте месяце порвалась цепь, а в ноябре она опять сомкнулась. Начали петь за здравие, а кончили за упокой.

Эта своеобразная метаморфоза дает повод для разных кривотолков, вплоть до утверждения, что население России еще не созрело для свободной жизни, что оно,получив в марте свободу, не знало что с ней делать, поэтому и поспешило променять ее в ноябре на рабство. Такие толки — не что иное, как клевета на население России, а также и на революцию вообще. Говорят так в большинстве случаев принципиальные противникки революции или же люди, не знающие ни России, ни русского населения. Так говорящие, быть может, и не подозревают, что они этим самым льют воду на большевистскую меельницу. Указывая на подобные толки, большевики с полным основанием могут утверждать, что они — власть народная, что население в ноябре месяце в 1917 г. облачило их всеми правами. Если подобные

толки до некоторой степени еще простительны людям, никогда в России не жившим, а поэтому и не знающим ни страны, ни ее населения, то никак не простительны тем людям, которые родились и выросли в России, но потом бежали оттуда. А такие люди тоже есть. Некоторые из них даже злорадствуют: население, дескать, получило то, чего оно желало.

Народной власти, в полном смысле этого слова, никогда не было и никогда не будет. Всякая власть до известной степени самозванна. Всякая власть тем или иным путем навязывает себя населению. Навязывают себя и большевики. Никакой „народности" у большевиков нет, хотя они и стараются этим листком прикрыться. То, что некоторые большевистские главари вышли из народа, еще ничего не говорит. Партия большевиков — не народная партия. Это — своеобразная каста. Попасть туда могут только избранные, только процеженные сквозь известное сито. Поэтому власть большевиков следует называть властью кастовой, а не народной. Народ никакого отношения к этой власти не имеет и неповинен за ее успехи или неудачи.

Не народ возвел большевиков на престол, а матросы балтийского флота и войсковые части петроградского округа. Имей Керенский больше опоры в войсках — большевики власти не захватили бы, а если бы и захватили, то долго не могли бы удержать ее. Но Керенский в войсках опоры не имел, несмотря на то, что считался главнокомандующим, И не имел по той же причине, по которой не имело ее царское правительство. Причина эта — война. Никогда война в широких слоях населения популярностью не пользовалась и, надо полагать, никогда не будет пользоваться. Только генералы, министры, да владелцы амуниционных заводов открыто стоят за войну. Население всегда ее проклинает. День объявления войны считается в широких кругах населения, траурным, а день окончания войны — самым радостным днем. Уже этого одного достаточно, чтобы знать как ненавистна населению война.

Но если война не популярна в широких слоях населения, то тем более она не популярна в войсках. Все ужасы войны прежде всего падают на солдата. Поэтому солдат готов за кем угодно пойти, если этот последний будет обещать прекращение войны. Вот почему войска пошли за большевиками. Большевики открыто говорили о необходимости прекращения войны, и это солдатам импонировало.

Почти таким же путем большевики подошли и к простому населению. Если армию они „взяли" обещанием немедленного прекращения войны, то обыкновенное население они „взяли" другими обещаниями. Нужно ведь иметь в виду, что у большевиков обещаний было больше, чем нужно. Кажется, что в России в то время не могло быть ни одного человека, который не находил бы своей „доли" в общей сумме большевистских обещаний. Были приманки крестьянам, были приманки рабочим, были приманки вообще всем тем, кого принято называть униженными и обиженными. А население страны в подавляющем большинстве как раз и состояло из униженных и обиженных.

У населения всех стран, независимо от его культурного или политического уровня, всегда были и всегда будут свои специфические чисто бытовые интересы. Были такие интересы и у населения России. Даже много их было, и ощущались они весьма остро. По случайному совпадению эти интересы населения совпали с обещаниями большевиков, чем и была гарантирована Ленину победа. Исходя из своих интересов, широкие слои населения, если активно и не способствовали большевикам в захвате власти, то в то же время активно и не препятствовали им захватывать власть, ибо полагали, что с победой большевиков осуществятся их заветные чаяния. Восстания и взрывы из народных недр начались позже, — когда стало очевидно, что обещания большевиков никогда не сбудутся. Но уже было поздно. Большевики уже располагали военной мощью и невооруженному населению было не под силу тягаться с ними. Восстань Кронштадт в первые месяцы большевистского царствования, полетел бы Ленин вверх тормашками, но в 1921 г. уже было поздно. Большевики уже укрепились...

Таким образом, большевики осенью 1917 года были на положении того счастливца, которому сам чорт детей качает. Своих собственных сил у них не было, но условия были таковы, что власть можно было захватить и без

сил. От удара со стороны армии большевики были застрахованы обещанием прекращения войны, от удара со стороны населения они были застрахованы обещанием земли крестьянам и фабрик рабочим. Если же сюда добавить, что почти все левое крыло русского революционного движения шло с большевиками, то станет вполне понятным почему сравнительно легко досталась победа большевикам. (Легко, конечно, в сравнеении с теми силами, которыми большевики располагали).

Кстати — о левом крыле русского революционного движения, состоявшем из анархистов, синдикалистов, максималистов, левых эсеров и др. Отказать этим людям в революционности никак нельзя. Заметить за ними хотя бы маленькое пятнышко контр-революции даже днем с огнем невозможно. Все они — люди, преданные делу революции. И тем не менее они осенью 1917 г. были с большевиками. Левые эсеры даже в коалицию входили. У анархистов был лозунг: „Вместе бьем — врозь идем". Можно-ли после этого удивляться, что население — простое, во многих случаях неграмотное — активно не препятствовало большевикам? Если люди, получившие аттестат политической зрелости, не перечили большевикам, то простое население тем более не могло этого делать.

Почему же так случилось?

Для того, чтобы ответить на это следует вспомнить, что в русской революции сразу же после падения царизма наметился своеобразный дуализм. Временное Правительство — с одной стороны, а Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов — с другой. Несмотря на то, что Советы не были частью государственного аппарата, но в вопросах, касавшихся революции, они играли большую роль, чем правительство. Особенно велика их роль была в деле оберегания революции. Если бы не Советы, то правительство едва-ли так скоро справились бы с восстанием Корнилова и с другими попытками контр-революции. Имея непосредственную связь с разными слоями населения, Советам легко было бить в набат и поднимать широкие массы на защиту революции, если последней угрожала опасность. Едва-ли следует напомнить, что все то, что согласовалось с политикой Советов, считалось делом реeволюционным, а все то, что не согласовалось, считалось контр-революцией. Следует лишь заметить, что октябрьский переворот принадлежал к тем актам, которые не противоречили курсу Советов. Контр-революционность „Октября" стала очевидной уже потом, в самый же момент восстания октябрьский переворот казался продолжением и углублением революции. Отсюда вполне понятно почему революционные элементы не могли оставаться пассивными в октябре, а тем более — не могли противиться „Октябрю". Против революции настоящей революционер ведь никогда не пойдет...

Таким образом, большевикам и здесь сам чорт детей качал. Их приняли не за тех, кем они оказались. Своим успехом большевики, однако, больше всего обязаны тем, кому они в первую же очередь головы свернули — Временному Правительству. (Потом они свернули головы и другим, в том числе и некоторым своим партийцам). Это оно, Временное Правительство, расстелило мягкий ковер, по которому большевики без особых усилий дошли до командных высот. Временное Правительство сделало много красивых жестов, но все эти жесты за пределы политики не выходили. После падения царизма Россия сразу преобразилась: из страны бесправия, стала полноправной страной. Деления на сословия исчезли, тюрьмы, в которых томились лучшие сыны страны, растворились. Узники вышли на свободу и заговорили о том, о чем они при самодержавии не могли говорить. Свобода слова и печати стала совершившимся фактом. Каждый мог говорить то, что он думал. За все это население, конечно, было обязано Временному Правительству. Но все это была область политическая. Для людей, занимающихся исключительно интеллектуальным трудом, этого, быть может, было и достаточно. Раз есть возможность свободно говорить — чего же еще нужно? Но для людей, занимающихся физическим трудом, этого было недостаточно. Если у рабочего условия труда плохие, если он не обеспечен работой или же зарабатывает не достаточно для пропитания себя и семьи, то такой рабочий не может полностью оценить той благодати, которую таят

в себе права гражданина и человека. Если у крестьяна земли столько, что цидленка негде выпустить и если он после Рождества доедает хлеб, выращенный на своей земле, то такому крестьянину свобода слова и печати почти ничего не означает. Для того, чтобы рабочий и крестьянин полностью оценили всю важность политических прав, нужно в первую очередь устранить из их быта нужду. Временное Правительство в этом отношении решительно ничего не сделало. Провозгласив полную свободу в политической области, оно экономическую область оставило почти нетронутой. Россия в то время была страной преимущественно крестьянской. (И теперь она таковой еще является). Поэтому Временному Правительству прежде всего нужно было заняться земельным вопросом. Крестьяне страдали от безземелья или малоземелья и они — что вполне естественно — ждали от революции очень много. Временное же Правительство этот важный вопрос (земельный) все откладывало и откладывало, ссылаясь на то, что, дескать, соберется Учредительное Собрание и оно все обсудит, все разберет и разрешит так, что и козы будут сыты, и сено цело. Эти доводы в высшей степени были неубедительны, особенно тем, кто страдал от безземелья. Во-первых, если все сводилось к авторитету Учредительного Собрания, то почему же не поторопились с созывом этого такого важного собрания. Ведь можно же было созвать еще весною, в первые же месяцы после революции. . Во-вторых, в нашей жизни бывают моменты, когда действовать нужно, не дожидаясь никаких собраний. Если человек тонет, то его спасают сейчас же, а не устраивают совещания и не толкуют, как его спасти. Если дом начинает гореть — тушить его начинають немедленно же, без совещания. Если человек заболевает — ему спешат оказать помощь в ту же минуту. Население России в момент революции нуждалось во многом и эту нужду нужно было в первые же дни революции хоть немного облегчить. Но облегчение, подобно легендарной Улите, ехало, ехало и так не доехало. Боялись обидеть владелцев земли... Думали, что если взять лишнюю землю у помещиков и дать ее тем, кто в ней действительно нуждался, то это, во-первых, причинит боль помещикам, а во-вторых, явится актом несправедливым, так как такого закона еще не было. Более странных доводов и придумать нельзя.

Помещики, как известно, в большинстве случаев являлись христианами. Те, кто стоял у власти, тоже в большинстве случаев являлись христианами. Те, кто нуждался в земле, тоже почти поголовно были христианами. Значит, все — христиане. Христианская же религия учит (да и всякая другая религия), что все христиане — дети одного отца, восседающего где-то на небесах. Все они — братья. Как же это могло быть, что один „брат" имел больше, чем ему нужно было, а у другого „брата" ничего не было? В евангелии чуть-ли не на каждой странице говорится, что нужно делиться даже последними двумя рубахами. Как же помещик, христианин по вере, мог обидеться, если бы часть его земли перешла другому христианину — тому самому, который в ней очень нуждался? Чтобы считать подобный акт несправедливым и возмущаться им, нужно потерять всякое человеческое достоинство, превратиться в зверя и даже больше, ибо и зверь не отстаивает того, что ему не нужно. Сытый зверь не станет отгонять от пищи другого зверя — более слабого. Русские же помещики это делали...

Разрешение земельного вопроса в надлежащем смысле и проведение соответствующих реформ в области производства поставило бы вопрос о войне совсем в другую плоскость. Тогда можно было бы неселению говорить, что все то, что дала революция, находится в опасности, что его нужно защищать, как от врагов внешних, так и от внутрених. И население защищало бы... Но что оно могло защищать, если оно ничего не имело? Защищать свою кочергу не стоило, а защищать землю помещика... пусть сами помещщи защищают. Таким образом, война в глазах широких слоев населения казалась ненужной и бесцельной.

Вот почему, Временное Правительство, медля с проведением реформ в экономической области, тем самым отталкивало от себе население. А своей страстной агитацией в пользу продолжения войны отталкивало от себя армию. И когда на петроградских улицах ока-

зался сравнительно слабый противник, то правительство не смогло справиться с этим слабым противником. И не могло главным образом потому, что оно было оставлено населением страны. Все дезертировали...

Русская революция пока что не оправдала себя. (будем надеяться, что когда-нибудь оправдает), но она является хорошим уроком и предостережением от ошибок. Она свидетельствует, что нужды населения никогда нельзя игнорировать. Особенно нельзя их игнорировать, когда есть возможность обо всем открыто говорить. Большевики, конечно, этих нужд не удовлетворили, но они их ловко использовали. Они обещали все и своими обещаниями посадили Временное Правительство на мель. Когда последнему пришлось защищаться, то оказалось, что у него решительно никого нет. И ты, Брут... все, что могло прошептать правительство Керенского.

Большевики, захватив власть, остановили революцию, но не убили ее. Как реку, имеющую истоки, нельзя навсегда остановить, так и революцию, тоже имеющую истоки, нельзя остановить навсегда. Рано или поздно, созданная большевиками запруда будет прорвана и воды революции понесутся дальше. Когда это произойдет — никто не знает. Сроки истории никому неизвестны. Известно лишь, что нет ничего вечного под луною. Порядки, аналогичные большевистским, неоднократно насаждались в прошлом. Были порабощения народов, были закабаления целых племен или сословий, но всему этому своевременно приходил конец. Придет конец и большевистскому произволу. То, что большевики осуществили в России, явно не соответствует интересам и чаяниям населения. А все, несоответствующее интересам и чаяниям населения — обречено на гибель. Это — неопровержимая истина. Пропасть между населением и большевиками после 45 лет их царствования нисколько не уменьшилась. Наоборот — она углубилась и расширилась. 45 лет тому назад большевики еще могли подойти вплотную к населению путем обещаний, теперь же они и этого сделать не могут, ибо население разуверилось в их обещаниях. Жить тем журавлем, который где-то в небе — всем уже надоело. Об этом красноречивее всего свидетельствуют бесконечные речи Хрущева о необходимости увеличения продукции чуть-ли не во всех областях производства. Большевикам и после 45 лет царствования все еще приходится понукать и подгонять население — если не кнутом, то пряником. И приходится это делать, конечно, исключительно потому, что население нисколько не заинтересовано в создаваемой большевиками своеобразной Вавилонской башне. Заинтересованы в этом некоторые отдельные личности или же отдельные группы, но не все население. А то, чем не интересуется население — существовать не может.

Революция, как и все социальные явления, имеет своих подвижников, имеет и... отщепенцев. Кажется, этого избежать нельзя.... Если среди сыновей Ноя (которых было сравнительно немного) нашелся отщепенец, то среди такого массового движения, каким является революционное движение, отщепенцы тем более возможны. Большевики ими и оказались. И если бы они были единственными носителями революции (таковыми многие по недомыслию их и изображают), то от революции давным-давно всем честным людям пришлось бы отвернуться. К счастью, в рядах революционеров есть не только Хамы, но и Симы и Иафеты. И как у Ноя порядочных сыновей было больше, чем непорядочных, так и среди революционеров подвижников больше, чем проходимцев. В этом году во всем культурном мире неоднократно произносились имена некоторых из этих подвижников. Отмечалось 150-летие рождения А. Герцена, 120-летие рождения П. Кропоткина, 100-летие рождения Н. Рубакина. Чествовались и другие никогда незабываемые, в том числе и А. С. Пушкин. Хотя прямого отношения к революции Пушкин не имеет (большевики стараются и Пушкина сделать революционером), но косвенное имеет. Когда заходит речь о смерти Пушкина (а в этом году как раз об этом и говорилось по случаю 125-летия гибели поэта), то прежде всего и больше всего ищут виновников этой смерти. Это и понятно. Смерть Пушкина — большая и ничем невозместимая потеря для всего человечества. Вполне естественно, что каждому хочется найти виновника и послать по его адресу свои про-

клятья. Виновников всегда ищут среди отдельных личностей. То винят нидерландского посланника, то его приемного сына (участника дуэли с Пушкиным), то жену Пушкина, то царя, то высокопоставленных сановников. Слов нет, многие отдельные личности не мало поусердствовали в приготовлении могилы Пушкину, но все же главный виновник — не отдельные личности, а та среда, в которой жил Пушкин. (Ответственность с отдельных личностей, однако, не снимается, ибо среда в конце концов создается личностями, но ответственность в данном случае переносится на всех тех, кто создал или же защищал условия, в которых жил Пушкин, а не только на тех, кто соприкасался непосредственно с Пушкиным). Живи Пушкин в нормальной среде, веди он нормальный образ жизни, ему не пришлось бы идти к барьеру. Безмятежно прожил бы он положенный судьбою срок и оставил бы после себя еще не одну жемчужину, подобную „Евгению Онегину".

Всякие крайности вредны, как отдельному человеку, так и всему обществу. Голод — крайность. Переедание — крайность, противоположная голоду. То и другое (голод и переедание) одинаково вредно нашему организму. Организм наш страдает и от недостатка пищи, и от ее излишества. То же самое получается и с социальным организмом. Общество не может нормально функционировать если в нем слишком выделяются крайности. А крайности во времена Пушкина были разительные. (Разительны они и теперь) Неимоверная нужда — с одной стороны, и неимоверная роскошь — с другой. Пушкин жил в той среде, которая ни в чем не испытывала неедостатка. И материальных благ, и юридически прав там было больше, чем нужно. В центре возвышался царский трон, а вокруг трона толпились те, над кем только царь был выше, вся же страна, все ее население находилось где-то далеко внизу, под ногами. Никому не возбранялось топтать население, как траву... И топтавшие население не знали куда девать свободное время, которого у них было больше, чем нужно. Даже находившиеся на государственной службе фактически бездействовали, ибо служебные часы были очень коротки, да и вся служба иногда состояла из пустой болтовни друг с другом. Те же, кто не состоял на государственной службе, решительно не знали, что им делать. У женщин почти поголовно не было никаких занятий. Все. что им нужно было, выполнялось прислугой. И так как человек по своей природе не может оставаться без дела (Обломовых в обществе сравнительно немного), то вся энергия этих людей направлялась на развлечения, на разгул, кутежи, разврат и сплетни. Пьянство, картежная игра, обеды, балы, флирт — это все, чем эти люди могли заниматься. Пост-не пост, праздник не праздник, а балы гремели до рассвета. Как одеться на очередной бал, какую прическу сделать, чтобы лучше понравиться мужчинам — это все, о чем мечтали женщины той среды. Мечты мужчин тоже были такие же.

Разве можно от таких людей ожидать чего-либо путного? Как в болоте не могут расцвести полевые цветы — васильки, так в такой среде не может сложиться здоровая жизнь. Но Пушкин хотел сделать последнее. Он хотел в тине, в социальном болоте, свить гнездышко счастливой семейной жизни. Хотел и не мог... Ветер среды проник в его дом, в его спальню и погубил поэта.

Считать Пушкина сторонником или же поклонником той среды, в которой он жил, быть может, и не приходится. Для этого нет данных. Но и протестантом, за исключением юношеских годов, он не был. Он не протестовал, не осуждал, не стрался вырваться оттуда, а шел, как говорится, в ногу. Если у других были великолепные выездные кареты, запряженные полнокровными рысаками, Пушкин стрался иметь то же самое. Если у других были дорогие наряды, Пушкин старался обзавестись такими же нарядами. Если у других были роскошные квартиры, Пушкин стрался иметь такую же квартиру. Если другие все свое время тратили на посещение балов, Пушкин делал то же самое. Это вгоняло Пушкина в долги, но он не отставал от моды и от века. Сам Пушкин почти ничем не отличался от тех, с кем ему приходилось общаться, но вот он хотел, чтобы его жена не была такая, как другие. От жены он требовал целомудрия, в то время, как сам в этом отношении не особенно-то был силен. Это — не осуждение Пушкина и не оправдание

его жены. Это — подчеркивание, что Пушкин требовал невозможного. Если уж так дорожить целомудрием, то прежде всего самому нужно его соблюдать, а затем — нужно жить в той среде, где целомудрие всеми почитается и соблюдается. Жить же в болоте и требовать от кого-то соблюдения чистоты риз — вещь невозможная. Но Пушкин этого требовал.

Семейная жизнь Герцена не лучше была семейной жизни Пушкина. Однако Герцену не пришлось идти к барьеру. И не пришлось потому, что он порвал с порочным обществом и поднялся выше всех предрассудков этого общества. Пушкин не порвал, поэтому и стал жертвой порочного общества. Не порвал и Лермонтов, хотя после смерти Пушкина сурово (и справедливо) осудил толпившихся у трона наперстников разврата, и тоже стал жертвой порочного общества.

Революция, как видно, нужна не только тем, кто корчится в нужде и недостатках, но и тем, кто пресыщен всем до отказа. Первым она нужна для того, чтобы поднять их со дна беспросветной социальной ямы, а вторым она нужна для того, чтобы спасти их от морального и физического разложения. Социальное разложение так же вредно для человечества, как вредно невежество и бедность. И невежество, и разложение — одинаково мешают установлению здоровой и нормальной жизни на земле.

Глубоко ошибаются те, кто рисует революцию в виде резни и кровопролития.Таковой она бывает только в том случае, если ей сопротивляются или если она попадает в руки разных авантюристов. Если бы же революция на своем пути не встречала сопротивления и если бы к ней не прилеплялись авантюристы — она никого не обидела бы. Ни находящиеся на самой верхушке социальной лестницы, ни находящиеся на самой нижней ее ступени не могут пострадать от подлинной революции. Если взять у обжоры лишнюю и ненужную ему пищу и отдать ее голодным, то от этого вреда никому не будет. Голодные утолят свой голод, а обжора перестанет страдать от обжорства.

Такова суюность революции. Большевистское изречение: „сторонись богачи — беднота гуляет" — карикатура на революцию. Беднота не стремится к гульбищам. Беднота лишь хочет жить по-человечески. Но жить по-человечески полезно не только бедноте, но и тем, кто расточает свою жизнь по разным вертепам, хотя бы эти вертепы и находились в высших слоях общества. Вертеп — везде вертеп. Находится-ли он среди бедноты или среди знати — пользы от него никакой, а вреда очень много. Революция и направлена в первую очередь к уничтожению всех вертепов. Не развратом должен заниматься человек, а разумным и полезным трудом. Трудится все должны, ибо это закон природы. Кто не трудится, тот физически и морально разлагается, что неоднократно было подтверждено историей. Трагическая гибель величайшего поэта, какого только знала Россия, лишь одно из многочисленных подобного рода подтверждений. Римская империя тоже погибла от этого. Монархиз в России тоже пал в значительной мере от этого. Сожалеть, конечно, не приходится, печально лишь, что результаты этого падения получились плачевные. Присосавшиеся к революции авантюристы извратили ее.

Но обаятельность революции от этого нисколько не померкла. То, что произошло в России в 1917., войдет в историю, как одно из самых заметных звеньев. Оно никогда не будет забыто. Не будут забыты и те, кто так или иначе способствовал русской революции. Революция ни сразу возникла. Она созревала веками. И Герцен, и Кропоткин, и Рубакин, и многие другие революционеры много сделали для приближения революции, и они всегда будут оставаться светилами человечества. Их имена, подобной яркой Венере, всегда будут блистать на социальном небосклоне.

Борьба с несправедливостью ведется разными способами. Одни разят в самый центр, в самое сердце несправедливости, другие ведут кропотливую работу где-то в народных недрах и подтачивают несправедливость снизу. Работа первых всем бросается в глаза, работа же последних почти не заметна, но для торжества справедливости она так же необходима, как и та революционная деятельность, которая всем бросается в глаза. Таких людей, как Герцен, Бакунин, Кропоткин и др. можно назвать рыцарями революции. Они у всех навиду. Сошли они с выси и пускают свои стрелы туда, от-

куда пришли. Таких же людей, как чикагские анархисты, казненные 75 лет тому назад, можно считать простыми работниками революции. Их имена не известны так широко, как имя Кропоткина или Герцена. Тем не менее, чикагские анархисты тоже сделали много для торжества справедливости. Справедливость полностью еще не восторжествовала на земле, но многое из того, что теперь имеют американские рабочие, стало возможным исключительно благодарся неустанной деятельности таких людей, как чикагские анархисты.

Со дня пасмурного ноябрьского утра, когда в Чикаго были повешены четыре анархиста прошло уже 75 лет. (Пятый не задолго до дня казни покончил самоубийством или же был убит тюремными стражниками). Казнены были чикагские анархисты, как известно, за уголовные преступление — за взрыв бомбы, вызвавший человеческие жертвы. Непричастность казненных к этому взрыву давным-давно доказана. И никем иным, как самими же властями того штата, в котором анархисты были казнены. Через несколько лет после казни анархистов губернатором штата Иллиной был избран человек, не принадлежавшй к прежней правительственной (штатной) клике. Он пересмотрел все „хей-маркетское" дело и нашел, что во время процесса было допущено пристрастие. Казненные от этого, конечно, не встали из могил, но тем не менее это была большая моральная победа. Реабилитировать человека после смерти все же лучше, чем совсем его не реабилитировать.

К сожалению, реабилитации (хотя бы и посмертной) все еще нет в другом аналогичном деле — в деле Сакко и Ванцетти, которому в этом году исполнилось 35 лет. Сакко и Ванцетти, как и чикагские анархисты, были оклеветаны. Им было приписано уголовное преступление, за которое они и были казнены. Непричастность Сакко и Ванцетти к приписанному им уголовному преступлению еще больше очевидна, чем непричастность чикагских анархистов к взрыву бомбы. Тем не менее власти упорно отказываются от реабилитирования их, несмотря на то, что этого неоднократно добивалась даже такая женщина как недавно умершая Элеонора Рузвельт. Отказываются власти, конечно, потому, что теперь не те времена, какие были 75 лет тому назад. Тогда каждый губернатор действовал более-менее индивидуально, теперь же все губернаторы, как и все другие правители, крепко связаны общностью интересов и действуют по пословице, гласящей, что ворон ворону не должен глаз выклевывать. Придет, однако, время, когда человечеством не будут править „вороны". Придет время, когда человечеством никто править не будет. Тогда Сакко и Ванцетти с лавровыми венками на голове, а также и другие многочисленные жертвы несправедливого строя займут подобающее место во Дворце Славы.

Ю. Капернаумов.

ХЕНРИ ТОРО

(К столетию со дня смерти)

В этом году исполнилось сто лет со дня смерти одного из самых великих и оригинальных мыслителей Америки, Хенри Давида Торо. О нем можно сказать словами его современника, поэта Лонгфелло: „Он оставил свой неизгладимый след на времени песках..."

Торо был не только великим мыслителем, ученым и поэтом-прозаиком, но и человеком, воплощавшим в жизнь то, что говорил и о чем писал. В этой целостности его натуры и выражается с особенной силой его гений.

Хенри Торо родился 12 июля 1817 г. в одном из штатов Новой Англии в семье, не отличавшейся ни богатством, ни выдающимся общественным положением, но за свою доброту пользовавшейся особенным уважением со стороны соседей. В 16 летнем возрасте Торо поступил в Харвардский колледж, где пробыл 4 года. Учился он хорошо и, главное, много читал...

Любимым его занятием было посещение лесов и полей, что дополняло его занятия в колледже естественными науками... Окружающую

местность он знал „как лисица или как птичка Божия". Темной ночью он находил в лесу любую тропинку. Все животные лесов, полей, рек и озер были как бы его друзьями. По выходе из колледжа он начал было учительствовать в школе. Как и во всем другом, он и в этом занятии проявил свою оригинальность: выступил с резкой критикой против применения телесного наказания в школе, в то время как школьный комитет настаивал на этой мере, как необходимом условии дисциплины. Это привело к тому, что он вскоре оставил учительское занятие и содержал себя тем, что месяца два в году занимался садоводством или огородничеством, а когда ощущалась особенно острая нужда в деньгах, то брался за с'емку планов, писал в журналах, читал лекции, рыл канавы, строил изгороди или стирал белье... Несмотря на свой необычный (простой) образ жизни, он хорошо разбирался в самых сложных вопросах, ценил все возвышенное и красивое и всегда твердил, что от плохой работы нельзя ждать хороших результатов. Какова работа — таковы и результаты, — вот правило, которого всегда придерживался Хенри Торо.

Как и другие великие люди, Хенри Торо занимает в истории свое особенное место. Его можно сравнить с весьма немногими. Самим близким, возможно, является датский поэт и философ, Сорен Киркегор, живший одновременно с Торо.

Торо написал несколько книг, весьма важных и весьма ценных: „Вальден", „Гражданское Неповиновение", „Жизнь без Принципов" и другие, но его главное величие заключается в его личной повседневной жизни. Торо не следовал за толпой, никому не подражал...

Героизм имеет много определений. Обыкновенно геройством считается проявления храбрости. Но это будет низший героизм, чисто животный.

Высший героизм это — мужество быть верным своему внутреннему Я, готовность противопоставить себя толпе и окружающим условиям жизни, невзирая на то, что за это можно прослыть отщепенцем и попасть в разряд чудаков, на которых все смотрят и с презрением и с сожалением: не знают, дескать, как жить.

Торо обладал великим мужеством.

„Не нужно мне любви, не нужно ни денег, ни славы, — дайте мне только истину. Я сидел за столом, где были роскошные блюда, обилие вина, рабски услужливая прислуга, но не было ни искренности, ни истины, — и я ушел голодным от этого негостеприимного обеда..." Эти слова Торо лучше всего определяют его отношение ко многим устоям и обычаям той жизни, которая, по общепринятому понятию, считается цивилизованной и культурной и в которой преобладает дух торгашества, моральной трусости, рабства перед политическими и государственными учреждениями. Торо во всем этом видел не достоинство, а язву, нарост, ложь, порабощение и умерщвление свободы личности, индивидуальности человека.

Торо очень любил природу. Длинные часы он проводил в лесных прогулках, изучая растения и жизотных. В 1845 г. он задумал совершить опыт — поселиться одному в лесу и прожить некоторое время в самом близком и непосредственном общении с природой. Для этого он построил себе сам небольшую хижину в лесу, возле озера Вальден, недалеко от города Конкорд. Там он прожил в одиночестве более двух лет, ведя самый простой и примитивный образ жизни в смысле материальных удобств, выращивая и приготовляя сам себе пищу и изучая окружающую природу. Об этом опыте, о своих наблюдениях и размышлениях Торо рассказал в в своей книге „Вальден", где он глубоко проникает в истинную суть жизни.

В 1848 г. Торо за отказ от платежа правительственного налога, который он считал несправедливым, был арестован и заключен в тюрьму, где ему пришлось провести сутки, пока один из его друзей (без его ведома) не уплатил за него налог. В результате этого столкновения с правительством он написал свою знаменитую статью „Гражданское Неповиновение", в которой с сокрушительной логикой и глубокой этической проницательностью обнаруживает зло правительственной политической власти и то рабство, которым власть окутывает человека. В этой статье Торо в самой резкой и острой форме отвергает право правительства властвовать над человеческой личностью, которая, по его убеждению, является наивысшей драгоценностью. Он ставит право личности, индивиду-

альности выше государственного права, и призывает к гражданскому неповиновению и непризнанию несправедливых законов. „Существуют несправедливые законы, говорит он, неужели мы должны им подчиняться, или же должны их немедленно нарушать? И отвечает: „Еесли несправедливость приносят людям вред, то я говорю: нарушай такой закон... Пусть твоя жизнь послужит тормазом, пресекающим несправедливость. Самое главное для меня, — не быть орудием в руках других, не помогать им совершать зло, которое осуждаю...

Я не платил налога шесть лет и за это был заключен в тюрьму... Рассматривая тюремную стену из камня толщиной в 2-3 фута, железную дверь и окно, загражденное железными прутьями, я не мог не подумать о глупости учреждения, которое поступило со мною, как будто я был лишь телом, кровью и костями, годными лишь для заключения... Хотя тюремная стена была очень прочная, но я знал, что между мною и другими людьми находится другая стена — духовная — еще более крепкая, которую нужно сломить для того, чтобы люди могли стать такими же свободными как я..."

Касаясь гражданского неповиновения следует помнить, что оно было вызвано не временными, преходящими обстоятельствами, а глубоким этическим сознанием Торо. Он верил, что никакая область человеческой жизни и деятельности не была отдельной, не могла быть отдельной, разрозненной одна от другой, а что вся жизнь составляла одно целое. Он понимал, что человек не может, войдя в компромисс со злом в какой нибудь одной области, не потерпеть ущерба во всей своей жизни. По его понятию беспомощность, которую человек чувствует, встречаясь с большим и сильным злом, якобы нам непосильным, является виной самого человека, результатом его несознания собственной моральной силы, как личности, индивидуальности. Торо полагал, что человек, готовый пострадать за истину и добро, имеет огромное влияние на общество. Примером этого в наше время может послужить М. Ганди, единолично повернувший ход истории.

Торо шел своим индивидуальным путем, но это не означало, что от стоял в стороне от общественных интересов. В то время в Америке назревала борьба за освобождение негров; происходили ожесточенные споры между защитниками рабства и аболиционистами, вылившиеся, при президенте Линкольне, уже после смерти Торо, в междоусобную войну между южными и северными штатами. Как и следовало ожидать, Торо был на стороне аболиционистов и принимал самое живое участие в движении, выступая публично с лекциями, а также и в печати против рабства, хотя в то время говорить об этом было опасно. Он был сторонником Джона Брауна, который организовал общество для содействия бегству негров от рабовладелцев в Канаду...

Несомненно, что жизнь Торо и его мысли и идеи, изложенные в его сочинениях, имели и имеют значительное влияние на многих людей. Много мыслей и изречений Торо включены в „Круг Чтения", Л. Н. Толстого. Толстой, как известно, питал к Торо глубокое уважение. Махатма Ганди также глубоко ценил Торо и позаимствовал много мыслей и идей, изложенных Торо в статье „Гражданское Неповиновение".

Несомненно и то, что пацифистские и вегетарианские общества, как и современное движение в США за прекращение сегрегации и дискриминации, многим обязаны идеям Торо...

Ввиду этого можно безошибочно сказать, что значительная часть идей Торо — вегетарианство, простота жизни, отрицательное отношение к правительству (Торо никогда не подавал голоса на выборах), признание всех людей равными — продолжают занимать самое почетное место среди людей, для которых истина дороже всего.

Современник и друг Торо, философ и публицист Эмерсон, говорит о нем следующее:

„Торо никогда не сбивался с истинного пути... Он не был самолюбив и не стремился применять свои знания и силы на каком-нибудь узком поприще или профессии, а стремился к высшему призванию... к тому, чтобы справедливо жить. И если он не придавал значения мнению других, то это происходило лишь потому, что он был слишком внимателен к тому, чтобы согласовать поступки свои с тем, во что он верил... Он исследовал каждую привычку,

каждый обычай и желал все свои поступки основывать на идеальных началах...

„Протестантом он был до последней крайности, и мало можно встретить людей, которые могли бы отказаться от столь многого, как он. Он не был создан для какой-нибудь профессии, не был женат, жил один, никогда не ходил в церковь, никогда не подавал голоса на выборах, отказывался платить налоги, не ел мяса, не пил вина, не пробовал даже курить и, хотя был натуралистом, никогда не ползовался ни ловушками, ни ружьем... Хотя в некоторых писаниях его и разбросаны резкие замечания насчет церковности и пасторов, но он был редкий по религиозности человек, необыковенно чистый и нежный в религиозном отношении, неспособный ни на какую профанацию ни в поступках, ни в мыслях своих... Никакого желания у него не было к приобретению богатства, и он умел быть бедным, не будучи в то же время неряшливым или грязным... „Я часто себе говорю, — пишет он в сваем дневнике, — что если бы я обладал богатствами Креза, цели мои были бы те же самые и средства их достижения такие же". У него не было соблазнов, против которых нужно бороться. Прекрасный дом, изящные манеры, болтовня культурных людей, — все это было ему чуждо. Он предпочитал всему этому доброго индейца, а весь лоск культурных людей считал только помехой общению между людьми. Он всегда отказывался от приглашений на обеды, потому что там каждый становился поперек дороги другому... „Они гордятся тем, — говорил он, — что обеды обходятся им дорого, — я же бываю горд тогда, когда обед обходится мне возможно дешевле". Он избрал себе свой особенный путь сделаться богатым: сократить до минимума свои потребности и удовлетворял их сам... Ему ничего не стоило сказать — нет; гораздо легче для, него быть сказать н е т, чем — д а... Хотя Торо и был в известной мере пустынником и стоиком, но на самом деле он весь был полон симпатий к людям, отдавался им всем сердцем....

„Еще в юности он как-то сказал: „Все мое искусство — это иной мир, и мой карандаш не будет рисовать ничего иного, чтобы не согласовать с ним. Всем здесь я буду пользоваться только как средствами". Это и было той музой, тем гением, которые руководили его мнениями, его разговором, его занятиями, работой и всей его жизнью..."

Заканчивая статью, хочется привести несколько выдержек из писаний самого Торо, которые дают нам более верное понятие о нем, чем слова других, ибо в жизни Торо отражалось все то, о чем он говорил и писал.

О рабстве людей

Тяжело быть рабом южного рабовладелца, но хуже всего быть рабом самого себя. Не говорите после этого о божественном начале в человеке. Посмотрите, как мчится он по большой дороге, думая только о купле и продаже. Может ли какое-нибудь божество обитать в нем?... Что ему значит его высшее назначение сравнительно с интересами его торговли, его богатствами? Смотрите, как он унижается и подличает, как он трусит, будучи просто рабом и узником своего собственного мнения о себе... Что человек думает о себе — вот что определяет его судьбу. Освободиться от разных фантазий и вымыслов — многие ли в силах произвести этот страшный переворот?

Масса людей ведет жизнь полную тихого отчаяния... ибо то, что мы называем покорностью судьбе, есть не более, как отчаяние. Из городов, полных отчаяния, мы направляемся в такие же деревни. Бессознательное отчаяние скрывается даже под так называемыми играми и забавами человечестве. В них нет той отрады, которая должна следовать за работой. А ведь истинная мудрость не ведает отчаяния...

О Вегетарианстве

Один фармер говорил мне: „вы не можете жить на одной растительной пище, в ней нет веществ, необходимых для питания организма", и, рассуждая так, продолжал шагать за своими волами, которые тащили воз вместе с тяжелым плугом, хотя питались одной растительной пищей...

Попробуйте умеренно есть плоды и вы не почувствуете в себе разлада, но прибавьте какое-нибудь необычайное блюдо к своему столу и оно отравит вас. Недостойно человеку питаться роскошной стряпней. Большинство людей усты-

дилось бы, если бы их застали за приготовлением той животной и растительной пищи, которую они заставляют других готовить для себя. Кто не изменится в этом отношении, тот не может считаться цивилизованным человеком, хотя бы и назывался джентельменом или леди. Факт — на лицо: уже звучит упреком, что челевек — плотоядное животное... Он живет, пожирая других животных. Что это прискорбно, легко поймет всякий, кто станет ловить в западни кроликов или резать ягнят... В душе я не сомневаюсь, что люди в своем дальнейшем развитии перестанут пожирать животных, как дикие племена перестали пожирать друг друга... В последние годы я неоднократно замечал, что я уже не могу ловить рыбу, не теряя в то же время некоторой доли уважения к самому себе... Когда я кончал ловить рыбу, то чувствовал, что было бы лучше, если бы я не ловил рыбы... Это сознание у меня еще очень слабо, но уже есть, — оно брезжит во мне, как первые утренние полосы... В настоящее время я уже совсем не занимаюсь рыбной ловлей...

О правительстве и политеке

Я всецело поддерживаю изречение, ,,что то правительство самое лучшее, которое управляет меньше всего'', и желаю, чтобы это было осуществленно скорее. Доведенная до конца эта идея приводит к тому, во что я также верю — ,,Самое лучшее правительство это то, которое совсем не управляет''. Когда народ будет подготовлен к этому, то таковым и будет его правительство... Доводы, которые мы слышим против содержания постоянных армий — а они веские, в такой же мере могут быть приведены и против постоянного правительства... Правительство, даже тогда, когда господствуют принципы большинства, во всех случаях не может быть справедливым... Не должно ли правительство быть таким, чтобы вопросы, что доброе, а что злое решались не большинством голосов, а совестью? Неужели человек должен, хотя бы на один момнет отказаться от своей совести и передать ее члену правительства? Тогда для чего человеку дана совесть? Я думаю, что прежде всего человек должен быть человеком, а после этого уже гражданином.... Всякая подача голосов на выборах является в своем роде игрой... заигрыванием с правдой и ложью, с вопросами морали... Человек подает свой голос и утешает себя мыслью, что может быть случайно он не ошибся, но при всем этом он не заинтересован в том, чтобы восторжествовала истина... Разумный человек не предоставляет заботу о справедливости случаю или большинству голосов...

То, что называется политикой, является чем-то таким поверхностным и несвойственным человеку, что я никогда не мог признать, что оно имеет какое либо отношение ко мне... Газеты уделяют много места статьям, всецело посвященным политике и правительству... но так как я люблю литературу, а также и истину, то я никогда не читаю этих статей, дабы не заглушить в себе чувство того, что истинно... Мне не придется ни перед кем отвечать за чтение посланий президента...

О роскоши

Большая часть того, что называется роскошью, жизненным комфортом или удобством, не только не необходима, но служит препятствием к возвышению человечества. Мудрейшие люди вели жизнь даже более простую и скромную, чем бедняки... Они отличались всегда внешней бедностью и внутренним богатством... Когда человек согрет животной теплотой, что ему еще нужно? Конечно не дальнейшей теплоты, не более обильной и богатой пищи, не более обширных и блестящих жилищ, не более тонкой и роскошной одежды, не более постоянного и горячего огня и т. п. Когда у него есть предметы, необходимые для жизни, перед ним открывается другая задача, состоящая не в том, чтоб добывать излишние вещи, а чтобы вступить, наконец, в истинную жизнь, так как у него оказывается свободное время. Почва, повидимому, пригодна для ростка; он уже пустил корни вниз и может с полным доверием слать свой стебель кверху. Разве человек не для того так глубоко укоренился в земле, чтоб настолько же высоко поднятся к небесам?

Никто ничего не теряет, имея заплату на одежде; а между тем я вижу, что большинство людей гораздо больше старается иметь мод-

ные платья, чем чистую совесть... Я иногда испытываю своих знакомых, задавая им вопрос о том, согласились ли бы они иметь одну или две заплаты на коленях. Большинство относится к этому вопросу с ужасом; ясно, что все их надежды на жизнь должны рухнуть, если они решатся на такой позор... Мы знаем очень мало людей, но за то отлично знаем множество одежд и нарядов. Оденьте чучело в ваш самый модный костюм, а сами станьте рядом в простой одежде. Чучелу скорее поклонятся, чем вам... Остерегайтесь всяких предприятий, требующих новой одежды, а не нового носителя одежд. Если у вас есть дело, попробуйте взяться за него в старой одежде. Люди предпочитают не дело делать, а только заниматься чем-нибудь, а еще больше казаться кем-нибудь. И нам, пожалуй, не следовало бы никогда добывать себе нового платья, до тех пор, пока мы сами не стали бы иначе жить, заниматься другим делом...

О газетах, книгах, чтении...

„Пожалуйста, расскажите мне, что случилось нового на земном шаре?... И вот люди читают газеты за кофе и узнают, что сегодня утром кому-то выкололи где-то глаза, не подозревая того, что сами они живут в беспросветной тьме...

Если я прочту один раз, что человека ограбили, убили или нечаянно застрелили, что сгорел дом, что корабль пошел ко дну, что корова попала под поезд, что убита бешеная собака, то зачем мне в другой раз читать о таких же происшествиях?... Для здравомыслящего человека все эти новости не более как пустая болтовня, а печатающие и читающие их — старые бабы, занимающиеся сплетнями за чашкой чая. А многие жадны до этих сплетен.

Читать хорошие книги и понимать их в истинном значении — это благородное занятие, которое требует почти такого же напряжения сил, как упражнения древних атлетов... Книги нужно читать так же внимательно и сосредоточено, как они писались.

Далеко не все книги так бестолковы и скучны, как их читатели. В иных мы можем встретить и то, что как раз подходит к условиям нашей жизни. Умей мы читать и понимать их — они могли бы повлиять на нас благотворно... могли бы придать всему новый и дивный вид... Ведь вопросы, смущаюие и волнующие нас, смущали и всех мудрых людей, и ни один из них не обходил их, а каждый решал по силе возможности, словом и своей жизнью... Но занимаясь книгами, даже избранными, мы не должны забывать того языка, которым говорят все предметы и явления... Нам нужно не только читать и изучать — нам нужно ясно видеть и понимать все окружающее нас...

О Высшем

Вся наша жизнь в высшей степени поучительна. В ней нет ни на один миг перемирия между добродетелью и пороком. Но добро всегда остается непоколебимым. Оно слышится всюду в мировой гармонии. Добро — тот аккорд, который приводит к созвучию остальное, который заставляет нас трепетать. Юность может с годами делаться равдошуной, но законы вселенной не преходящи. В каждом дуновении ветерка мы можем услышать упрек, и счастлив тот, кто его слышит... Да, тут уж мы не можем дернуть за веревку, остановить этот звук. Эта удивительная мораль, этот высший нравственный закон, пронзает нас насквозь, входит в нашу сущность. А мы, глупцы, ищем еще какой-то другой музыки, принимаем за эту небесную гармонию какой-то беспорядочный шум выдуманных людьми инструментов и не видим того, что шум этот, эта выдуманная нами музыка смеется, как сатира, над нашей душевной тупостью, посредственностью.

Мы сознаем в себе животное, которое пробуждается в нас постольку, поскольку засыпает в нас наша высшая природа. Это нечто гадкое, чувственное... „То, чем отличаются люди от диких зверей, говорит Менций,, очень незначительно, но обыкновенный смертный теряет это очень скоро, а высший человек тщательно бережет".

Кто знает, какая бы создалась жизнь, если бы мы достигли чистоты? И если бы я знал, что есть такой мудрый человек, который может научить меня чистоте, я пошел бы разыскивать его на край света.

миссия проповедничества своего евангелия всем живым существам не избежала общей участи опорочения себя, как это случилось в свое время с другими деградировавшими религиозными движениями с экуменистическими (вселенскими) устремлениями, когда они переходили на службу государству" (А. Тойнби т. VII, стр. 415). Иначе говоря, советское государство, окрашенное в марксистские цвета — не коммунизм, а его извращение, как нельзя и капитализм, подкрашенный под христианство, назвать христианским государством — в нем нет ничего христианского.

Религиозная сущность атеизма не отрицается христианами. Епископ Тихон, например, утверждает, что „полный атеизм почтеннее светского равнодушия" („Исповедь Ставрогина"), равнодушие только совсем не верует. Атеизм самый полный ближе всех, может быть, к вере стоит". Порочность души русского человека (верующего или неверующего) — в полном отрицании за другими права на инакомыслие, в буйном проявлении фанатичности, нетерпимости в отношении своих противников, не разделяющих его мнений, политических, религиозных убеждений.

Ф. Достоевский подметил, осудил атеистический фанатизм в известном монологе кн, Мышкина (но, конечно забыл заклеймить близкий его сердцу христианский фанатизм): „Наши (русские люди) не просто становятся атеистами, а непременно уверуют в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль. Такова наша жажда?" „Коль атеистом станет, то непременно начнет требовать искорения веры в Бога насилием, т. е. стало быть и мечом" (Достаевский, конечно, и тут забыл о срубах, в которых православная церковь сжигала раскольников, а париарх Иоаким, поджаривавшей на медленном огне „еретика" Кульмана, сидя на возке, наблюдал за его предсмертной агонией).

В „Подростке" Достоевский снисходительнее к атеизму, дает ему лучшую аттестацию:

— Надо веровать в Бога (Версилов — отец).
— Ну, а если я не верю всему этому (сын).
— И прекрасно мой милый.
— Как прекрасно?
—...наш русский атеист, если только он вправду атеист и чуть-чуть с умом — самый лучший человек в целом мире и всегда наклонен приласкать Бога, потому что непременно добро, а добро потому, что безмерно доволен тем, что он — атеист; атеисты наши — люди почтенные и в высшей степени благородные, так сказать, опора человечества...

В этом диалоге выражается мысль о полноценности атеизма, как положительного фактора в общественной жизни: Достоевский устами отца-христианина не осуждает атеизм сына, видит в нем „не исчадие ада", не разрушителя, а строителя — „опору отечества". В признании отвратного для Достоевского неверия он очевидно исходил из своих религиозных верований: коль скоро в божественном плане мироздания предусматривается сосуществование злых и добрых духов, ангелов — обитателей небесных сфер, опекающих, оберегающих праведников в райских обителях, и злых духов, предназначение которых состоит, по толкованию талмудистов, в прокурорском надзоре за людьми, в выявлении их грехов перед престолом Всевышнего, то очевидно и на земле, в теократическом, оцерковленом обществе, по мысли Достоевского, нельзя обойтись силами одних верующих и атеисты нужны в качестве бдителей — в роли щуки в воде, чтобы „карась (т. е. верующий) не дремал".

Ф. Достоевский, видимо, родоначальник хрущевской теории сосуществования, сотрудничества злых и добрых духов, преодоления капитализма в мирном соревновании двух систем, хотя надо полагать, что великий писатель усомнился бы в конечном торжестве ленинизма, ибо полное господство атеизма было бы нарушением божественного плана: он был сторонник равновесия сил. **МИР.**

Социальная Коммуна организуется путем свободной группировки, которая разрушит стены и уничтожит границы. Возникнут миллионы коммун, но не территориальных, а готовых протянуть друг другу руки через реки, горные хребты, океаны и объединить в одну единую и однородную семью „равных" всех индивидуумов, рассеяных по различным концам земного шара.

П. КРОПОТКИН

КАКОВОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ РОССИЯ?

От Редакции: Нижеприводимая статья была написана незадолго до начала второй мировой войны. Зловещие тучи фашизма в то время заволакивали небосклон Европы. Поэтому фашистская форма правления и поставлена в статье наравне с другими формами правления. Сейчас фашизма, как государственно-политической силы, нет, но как идея он, несомненно, продолжает еще оставаться в умах некоторых людей, — преимущественно тех, кто хочет кем-то командовать и над кем-то издеваться.

Перепечатывается эта статья по просьбе некоторых читателей „ДТП".

О будщей России говорят много, и разно. Одни говорят, что Россия должна быть демократической страной, на подобие Америки. Другие доказывают, что России более всего свойственно единоначалие, так как оно, дескать, вытекает из патриархальности, испокон веков присущей России. Сторонники единоначалия, конечно, хотят царя. Третьи настаивают на том, что в России должна быть установлена фашистская форма правления. Находятся и такие, которые придерживаются „золотой середины", т. е. требуют сочетания монархии с демократией или демократии с социализмом.

Характерно, что все — монархисты, республиканцы, либералы, социалисты и фашисты — говоря о будущей России, имеют в виду не Россию, как таковую, а ее государственный строй. Это напоминает того крыловского господина, который слишком усердно рассматривал маленьких букашек, а такого великана, как слон, не приметил.

Наши строители будущей России тоже не примечают слона — подлинной России, в лице ее многочисленного населения. Они говорят о России, как о государстве, занимающем известную территорию, а не о населении, живущем на этой территории. Отрицают они большевиков, как большевиков, а не как насадителей несправедливости и рабства.

Отсюда вытекают все ошибки всех государственников, независимо от того, в какие ризы они себя облачают.

Какова же наша — анархистов — позиция в этом вопросе? Каковой, по нашим взглядам и понятиям, должна быть Россия?

Прежде всего, нам следует уяснить, что мы подразумеваем под словом „Россия". Подразумеваем мы, конечно, многомиллионное население рабочих и крестюян с его неот'емлемыми запросами и потребностями. Другой России для нас нет и не может быть. Затем — почему мы отрицаем большевиков? Ответ только один: потому, что они не дают возможности русским рабочим и крестьянам жить свободно и довольствоваться благами жизни.

Следовательно, наша конечная цель сводится к тому, чтобы все трудовое население России было свободно и равноправно, как в политической, так и в экономической области.

Постараемся эту мерку — свободу и равенство — приложить к тем государственным формам правления, о которых мы упомянули выше.

Мы сами были свидетелями монархической формы правления в России. Что же мы видели? Было ли там равенство? Была ли свобода? Нет, ничего этого не было. Большинство населения жило очень плохо, испытывая огромную нужду и лишения. Следовательно, эта форма правления уже давно вынесла сама себе смертный приговор. Она уже похоронена и не может воскреснуть, ибо она не совпадает с интересами населения.

Обратимся теперь к демократии. Во многих странах мы видим демократию. Сами живем в такой стране. И что же? Облагодетельствовано ли население солнцем демократии? Вольготно-ли и хорошо-ли живется? Увы и увы, далеко не вольготно и далеко не хорошо.

В демократических странах, как и в монархических, значительная часть населения обречена на нищету и прозябание. Благами жизни пользуются только немногие — те, кто владеет богатствами. Как же такой строй можно считать идеальным? Как его можно желать для России, если мы из опыта знаем, что он не дает широким слоям населения счастливой и довольной жизни. Стало быть, и демократия с точ-

ки зрения свободы и равенства, не вкдерживает критики.

О фашизме и говорить не приходитс.. Не приходится, ибо фашизм во многих отношениях нисколько не отличается от большевизма, который мы — и весь более менее культурный мир — отрицаем.

Остается, следовательно, только одна форма общественного устройства, приемлемая для России.

Форма эта — вольный коммунизм, короче говоря — анархизм. Анархизм, действительно, не противоречит интересам широких слоев трудового населения. При анархизме человек пользуется полной свободой. Никто не унижается, никто не возносится. Никто не работает на кого-то. Никто не может заставить другого быть его слугою. Все — равны. Все одинаково вдыхают воздух, все одинаково удовлетворяют присущие им потребности, все одинаково — по мере способностей — трудятся на благо всего общества. У одного есть паклонности к земледелию, у другого — к рыбной ловле, у третего — к литературе, у четвертого — к машиностроению. Каждый занимается тем, что милее всего ему. И продукт каждого считается общим достоянием. Общество хранит продукты труда, взамен чего, оно дает право каждому трудящемуся удовлетворять все свои потребности. Одному нравится серого цвета костюм — иди, бери серого цвета! Другой предпочетает рыбу мясу — кушай рыбу вместо мяса! Третий — завзятый вегетарианец: что-ж, никто не станет ограничивать его в выборе овощей, а оставленое им мясо скушают другие.

— Послушайте, — скажут нам противники анархизма, — ведь это фантазия. Нам нужно говорить не о той России, которая будет за тысячи лет, а о той, которая должна наступить, быть может, завтра — после падения большевизма.

Извольте... Вы говорите, что анархизм — фантазия. Глубоко ошибаетесь. Обратите внимание на русскую революцию: откуда она вытекала и куда она несла свои бурные воды? Чего требовали рабочие, чего добивались крестьяне? Не того-ли, о чем говорят анархисты? Не добивались ли рабочие, чтобы фабрики перешли в их руки, а крестьяне не делили-ли помещичьих земель? Этого же хотят и анархисты.

Земля должна принадлежать, только тем, кто на ней работает, а фабрики тем, кто в них работает, — одно из основных положений анархизма. Стало быть, русские рабочие и крестьяне в момент революции шли именно по линии анархизма. Стало быть, русская революция, начавшаяся свержением самодержавия, пошла в сторону Анархии. Правда, большевики остановили этот ход, но надолго-ли?

Как же можно называть фантазией то, что начинало уже осуществляться? Да, анархизм в России осуществлялся. Фабрично-заводские комитеты, — принцип анархический. Домкомы — тоже анархическое начало. А вольные советы, а самоорганизации для распределения помещичьих имений — разве это не анархизм? Пусть примитивный, сырой, неосознанный, но это анархизм, ибо мы здесь имеем дело с деятельностью, идущей снизу вверх.

Ленин хорошо понял анархические настроения народных масс, поэтому он бросил такие лозунги, которые очень похожи были на анархизм. Ленин выиграл — правление сказать: обманул население. Его противники не выиграли, ибо они не могли выставить анархических лозунгов.

Вот о чем свидетельствует нам русская революция. А революция эта далеко еще не закончена. Она остановлена на полустанке, даже отброшена назад. Но она не может оставаться на этом месте. Рано или поздно она будет закончена — дойдет до своего логического конца, осуществит то, что наметилось в 1917 году.

Мы, анархисты, можем даже до известной степени быть спокойны за судьбы России. Ни рабочие, ни крестьяне не захотят худшего. Наоборот, они захотят — и теперь этого чают — лучшего, притом в максимальных размерах, а это и есть анархизм.

В этом отношении анархизм находится в самых выгодных условиях по сравнению с другими социальными течениями, ибо его программа полностью совпадает с требованиями широких слоев населения.

Итак, мы видим, что Россия в момент революции стихийно ринулась к анархизму. Ри-

нется она опять, как только падет большевизм. Не царя на белом коне, не помещика и капиталиста пойдет встречать русский рабочий и крестьянин, а вольную волюшку. Чего-чего, а земли крестьянин помещику ни за что не отдаст; не уступит рабочий капиталисту и фабрик и заводов.

Какие конкретные формы примет будущая Россия — рисковано говорить сейчас. Особенно нельзя предвидеть всех деталей. Все, повидимому, будет складываться в соответствии с окружающими обстоятельствами. Но в общем, вся стройка будет идти снизу вверх. Рабочие, несомненно, захотят возобновить убитые большевиками фабрично-заводские об'единения; крестьяне создадут свои сельские об'единения; лица свободных професий тоже об'единятся; те, чья должность состоит в выполнении общественных услуг (учителя, железнодорожники, моряки, пожарные и т. д.) в свою очередь создадут об'единения. Объединения эти затем об'единятся по-районно. В районные объединения будет открыт доступ как организованным ячейкам, так и отдельным лицам. Там будут и кузнецы, и музыканты, и мукомолы, и пекаря, и огородники, и дровосеки, т. е. все кто живет в данном районе. Это и будет коммуна. Она и будет вести учет всех видов, как производства, так и распределения.

Каждый человек в коммуне будет чувствовать себя свободно, каждый будет иметь право вступать в союз и соглашение с другими коммунарами для достижения той или иной цели. Страна переплетется бесконечными нитями взаимоотношений, идущими как от отдельных личностей, так и от организаций. Будет так же установлена связь с заграничными рабочими оргнизациями.

Государство отойдет в область преданий. Вместе с годударством канут в вечность и всякого рода насилия. На просторах необъятной страны зазвенят песни и закипит вольный труд. Каждый будет сознавать, что он работает не на тунеядцев, не на паразитов, а на себя, на всю трудящуюся семью. Каждый будет чувствовать, что все, в чем он нуждается, дают ему другие, поэтому и сам он будет стараться дать друим все, что может. Пробудится к жизни неизсякаемая народная энергия.

Вот каковой должна быть Россия. Таковой она и будет!

Стихия русского народа — анархизм. Его интересы — анархическая программа. Это мы видим из факта революции 1917 года. А революция эта, повторяем, еще не закончена. Продолжение следует. Конечная станция — вольный коммунизм.

Автономов

ТОЛЧЕНИЕ ВОДЫ В СТУПЕ

Нынешнее положение русской эмиграции до некоторой степени напоминает заключительную стадию строения Вавилонской башни — смешение языков. Все говорят, даже очень много говорят, а о чем говорят — трудно разобраться. Где сторона левая, где правая и где центр — сам Аллах не знает.

Некоторые монархисты, ни с сего, ни с того, вдруг вспомнили о русском мужике, которого они веками держали в темноте, нищете и невежестве и которого секли розгами как скотину. И, вспомнив, начали обещать этому мужику чуть-ли не барские хоромы, конечно, в неизвестном будущем. Программа этих монархистов почти ничем не отличается от программы социалистов--революционеров, которых монархисты, как известно, терпеть не могут. Другие монархисты ,хотя и не заимствуют программы социалистов-революционеров, тем не менее талдычат, что предстоящий спаситель России — царь батюшка — должен называться народным царем. Этот народный царь будто бы даже уже есть и хранится он в одном из мадридских чуланов, наполненных нафталином. Что такое „народный царь" — едва-ли кто может ответить. Известно лишь, что эти „народные благодетели" никогда не переводились на Руси. Сталин тоже носил титул „народного" (отец народов). Никита тоже подлаживается под „народного" (имя — самое простонародное). Правда, Никита держит в руке не скипетр, а снятый с ноги башмак, но населению от этого ни-

сколько не лучше. Стонало население, когда на троне восседал истукан со скипетром в руке, стонет оно и теперь, когда на троне восседает клоун с башмаком в руке, будет оно стонать и тогда, когда на троне окажется тот, кто сейчас находится в мадридском чулане. Раз есть трон — добра не будет. Добро будет только тем, кто сидит на троне да тем, кто толпится у трона, но не тем, на чьих плечах трон держится.

Почти столько же ясности и вразумительности наблюдается и там, где главным козырем считается не царь, а народное представительство, т. е. буржуазный строй правления.. „Народные представители" очень часто выступают вместе с монархистами и иногда почти невозможно отличить, где монархист, а где республиканец. Страницы печати, издающейся „народными представителями" сплошь и рядом заполнены монархическими воззваниями и декларациями. Как видно, за деньги можно все сделать. Недаром буржуазная печать называется продажной печатью. На ее страницах можно опубликовать какую угодно нелепость, если, конечно, за это хорошенько заплатить. И монархисты этим пользуются. Они помещают на первой странице якобы прогрессивной газеты, редактор которой неоднократно заявлял, что он не мог жить и учиться в бывшей царской России и вынужден был эмигрировать в Америку, такие смехотворные об'явления, как о тезоименитстве государя... Того самого государя, которого еще на свете нет, ибо еще нет государства, которое этот „государь" возглавляет. Государства еще нет, а тезоименитство государя уже празднуют... Разве это не глупость?... Такой же глупостью являются и разные заметки от имени „экипажа императорского флота" или от имени „канцелярии его величества". И этой глупости потворствуют люди, именующие себя прогрессистами. Где тут прогрессист, а где монархист — кто знает? Один М. Коряков — чего стоит? В одном номере газеты он называет себя монархистом, а в другом хвалит Герцена или же Чернышевского. Как может совместиться Герцен, Чернышевский и монархизм?... Но в газете, мерилом которой является доллар, все это совмещается.

Партия меньшевиков (самая небольшая партия в эмиграции) тоже продолжает блуждать в густой мгле. Критикуя большевиков (и вполне основательно) меньшевики ничего лучшего взамен не предлагают. Да и что они могут предложить? Ведь меньшевики и большевики — дети одного отца — Карла Маркса. У них одно наследство и они предлагают одно и то же, только под разными соусами. У большевиков на первом месте в качестве приманки, стоит, „диктатура пролетариата", а у меньшевиков — „демократический социализм". Демократия при социализме выльется в то же самое, во что вылилась диктатура пролетариата. Как нет никакой диктатуры пролетариата при большевиках, так не будет никакой демократии при меньшевиках. Разница будет лишь в том, что частный предприниматель окончательно не будет добит. Большевики частного предпринимателя вывели из строя и сами угнетают население, а меньшевики будут угнетать население при содействии частного предпринимателя, для которого они оставят небольшое поле деятельности. Но населению от этого нисколько не будет лучше. Населению одно и то же — давят-ли его марксисты самостоятельно или же вкупе с частным предпринимателем.

Население почувствует облегчение только тогда, когда у него никаких опекунов не окажется. Все опекуны, как бы они себя ни называли — нарост на социальном теле. И монархисты, и народные представители, и большевики, и меньшевики — общественные паразиты. Они — помеха народному благоденствию. Отсюда вполне понятно, почему они, критикуя друг друга, ничего лучшего не выставляют. У них нет ничего лучшего. Все они рвутся к власти, все думают только о своем благе, а не о благе подвластного населения. Да и какое может быть благо под чьей бы то ни было властью? Благо будет только тогда, когда никакой власти не будет.

А. Вольный

От Редакции

Большинство некрологов, печатающихся в этом номере, должны были появиться в прошлом номере „ДТП", но из-за недостатка места не появились.

СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ

Плоды учения Христа
Ввезли на Русь в десятом веке.
И вскоре идолов с моста
Под воду бросили навеки.

Владимир-князь Христа признал,
Народ заставил сделать то же.
И в Днепр широкий всех согнал...
На Иордан было похоже.

Любовь, как высший идеал,
Всем прививался со рвеньем.
И хоть народ вокруг страдал,
Ему твердили о спасеньи.

Меж тем князья, за власть борясь,
Народ войною истребляли...
Страдала Русь, и кровь лилась
И люди радости не знали.

А тех, кто правильно Христа
Заветы в жизни чаял ведать,
Ссылали в дикие места,
А то и к праотцам „обедать"...

Старинный церкви первый грех —
Братанье с властью и богатым —
И тут явилось злом для всех,
Великим злом, плодом чреватым.

В стяжательстве, не зная мер,
Тянул с сытых и с голодных.
И этот пагубный пример
Плодил грабителей народных.

Убийц, мошенников, воров
Грехи за золото прощали.
Крестьян сгоняли с их дворов,
Их земли к церкви приобщали.

И даже вольность городов
С молитвой цекви убивались...
И с властью княжеских родов
Жирея, церковь обнималась.

**
*

Паденье первое приняв
В четвертом христианства веке,
Всю прелесть власти там познав, —
Растлила веру в человеке.

Гонимой будчи в веках
В кровавых муках жертв теряя,
Вдруг палачем, с бичем в руках,
Она над миром встала — злая.

Забыты годы страшных мук,
Забыты жертвы и наветы, —
Яд власти рвал в клочки из рук
Христа все лучшие заветы

Погрязнув в склоке и во зле,
Что день — всю низость преступлений,
Благословляла на земле
Христовым имением молений.

Создав незыблемый закон
„Как веровать и как молиться",
Душила церковь за уклон
Посмевших ей не покориться.

**
*

Теперь, пройдя через века,
Борьбу за власть, универсальность,
Забыла церковь, и — пока —
„Доит" она национальность.

Для всякой нации она
Из Рима шлет ей кардинала
Что-б квоту золотом сполна
„Овечка божья" выполняла.

Чтобы иметь над ней контроль,
Над ее мыслью, духом, волей,
И этим самым церкви роль
Явить целительницей болей.

Теперь зоботою ее
Не столько золото, а — дети...
Дабы премудрости змея
Не завлекла их в свои сети...

И что-б их детский хрупкий ум
В ее орбите оставался, —
Не стал бы жертвой вольных дум,
На жизни зов не отозвался.

Она прекрасно сознает,
Коль мозг наш мистикой затронут,
Ему дороги нет вперед...
Прогресса мысли в мути тонут.

Поэтому материализм
Она — всерьез — грехом считает.
Он — враг ее. Идеализм —
Для веры щели оставляет.

И церковь уж на „фронт" не прет,
А за спиною власти стоя,
С народов дань свою берет,
Властям давая часть „удоя".

Ее „удой" — „по ветру нос" —
В покорности перед законом
Держать народ, а всякий „спрос"
Молитвой об'яснить... с уклоном...

Так с древних пор — „святой" союз
Церквей, властей, князей, богатых,
Крепит неволи тяжкий груз
Рабов, невежеством об'ятых.

**
*

Все это — так! Но день придет,
Пробьется солнце из тумана....
Народ к свободе путь найдет,
И сгинут рыцари обмана.

Ал. Г. Г.

ИСТОКИ ТОТАЛИТАРИЗМА И ДЕСПОТИЗМА

В „Транзишен" В. Дюрант (семинарист-атеист) обстоятельно описал систему семинарского воспитания будущих ксендзов и показал какие применяются отцами иезуитами приемы внедрения в души своих питомцев религиозного фанатизма, преданности, покорности католической иерархии, как обрабатываются души пасомых в духе преданности костелу, какие способы изобретаются для угашения духа, вольномыслия, укрощения плоти пастырей-холостяков и т. п. По его словам, большинство семинаристов, подвергшихся этому иезуитскому промыванию мозгов, сохраняют потом и целомудрие — большой соблазн особенно для молодых клириков, и, конечно, полную лояльность католической церкви.

Система иезуитского школьного воспитания создавалась в кельях монастырей аскетами, подвижниками, святыми. Это — продукт католической церковной культуры с примесью платонизма, аристотелизма. Это — заимствования из религий древности, окрашенных в христианские цвета, со значительной дозой своего отечественного маккиавелизма, популярного и за церковной оградой — в политике и даже в военном искусстве: ген. Мольтке, например, использовал это средство при разгроме армии Наполеона 3-го.

Могущество католической церкви не в превосходстве ее канонов, доктрин, — они, пожалуй, малоценнее, одиознее буддийских, магометанских, еврейских учений, — а в церковной дисциплине, в иерархической структуре с папой — диктатором, в хорошо вымуштрованых пастырях — ловцах душ человеческих. Хорошо знавшего католицизм Достоевского пугала эта армия воинствующих иезуитов: „Папа сумеет выйти к народу пеш и бос, нищ и наг, с армией двадцать тысяч бойцов иезуитов, искусившихся в уловлении душ человеческих. Устоят-ли против этого войска Карл Маркс и Бакунин? Вряд-ли" ...Достоевский как будто бы поторопился с окончательным выводом: этот спор далеко еще не решен в пользу папизма...

Католическая Франция создала свою школьную систему по иезуитским образцам: „Французы, — замечает А. Герцен в „Былое и думы", — заготовляются тысячами по одному шаблону... Во всех городах империи преподают в тот же день по тем же книгам одно и то же. На всех экзаменах задаются одни и те же примеры. Учителя, отклоняющиеся от текста или меняющие программу, немедленно исключаются..."

Система семинарского воспитания в России не идет в сравнение с дисциплиной подготовки ксендзов. Ксендз — это не только пастырь, обученный совершению церковных служб, но но и всесторонне образованый человек — иезуиты знают цену образования; в православных же семинариях пренебрегали светскими науками, полагая, что главное в воспитании семинаристов — благочестие, изучение сухой схоластики, усвоение очень сложных церковных служб, обрядностей. Дух подменялся формой, обрядовой стороной. Время и энергия семинаристов уходили на восприятие всех этих неудобоваримых, скучных предметов, а в случае нерадения, неуспеха в усвояемости благочестия будущих батюшек нещадно колотили:

О, проклятое чернило!
Сердце наше иссушило.
И бумага, и перо
Сокрушают нас зело,
Хоть какого молодца
Сгубит школа до конца.
Ой, горе, беда
Секут завсегда.

В русской литературе сохранились классические образцы этого бурсового просвещения с помощью розги в произведениях бывших семинаристов Н. Помяловского 1835 — 1863), Ф. Решетникова (1841 — 1871), А. Левитова (1835—1877), и др. В обзоре произведений Помяловского П. Кропоткин замечает: „Как высшие, так и низшие школы были тогда в руках совершенно необразованного духовенства — преимущественно монахов — и главным предметом обучения было самое нелепое заучивание наизусть абстрактнейшей теологии.

Общий нравственный уровень школ был чрезвычайно низок, в них господствовало почти повальное пьянство, а главным побудительным средством к образованию считалось сечение за каждый невыученый урок, причем секли иногда по два и по три раза в день, с утонченой жестокостью" („Идеалы и действительность в русской литературе").

Подобное укрепление веры, дисциплины в воспитанниках духовных школ вызывало в них вовсе не сыновние чувства к наставникам — истязателям и к самой православной церкви. Наиболее талантливые из них правдами и неправдами проникали в университеты, или служили чиновниками, а менее проворные шли по стопам своих отцов-батюшек. Это были в большинстве случаев те же государственные чиновники, только в рясах, составлявшие победоносцевскую „полицию умов и душ".

Революционные ветры заносили крамолу в духовные училища, семинарии, академии и многие из воспитанников уходили в революционное движение. Самый выдающийся продук семинарского безбожничества, конечно, И. Сталин, воспитанник Тифлисской духовной семинарии (он ее окончил, но аттестата лишили, как неблагонадежного, см. кн. Л. Троцкого „Сталин" на англ. языке). Другие более-менее известные вольнодумцы, революционеры, писатели из семинаристов в России: Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, В. Чернов и др., а в США: хорошо известный дореволюционной эмиграции — воинствующий безбожник И. К. Окунцов — воспитанник Казанской духовной академии, однокашник покойного архиепископа Виталия; братья Гордины (ешиботники), теоретики анархизма-универсализма.

Исключения не составляли и раввинские школы в Белоруссии (ешиботы); некоторые из их потомцев обрывали связь с религией, вовлекались в революционную борьбу. Р. Рокер, например, в книге „Лондонские годы", касаясь еврейской эмиграции из России, упоминает некоторые имена ешиботников, как своих соратников, искусных диалектиков, пропагандистов анархических идей.

Но Турции принадлежит пальма первенства в изобретении тоталитарных форм султанского деспотизма, опиравшегося на кадры янычаров — вероятно прообраз опричины в России, далеко не изжитой и в наше время. Система турецкого воспитания не исключительно продукт азиатского деспотизма: у султана были предшественники: в древней Греции — Платон, в Риме — цезари, в Византии — обожествляемые императоры, к трону которых все смертные приближались только ползком, а разговаривали не иначе, как коленопреклонно.

Римские императоры, как и турецкие султаны, не допускали на ответственные посты (проконсула, наместники) природных римлян; во главе легионов обычно ставились натурализованные чужеземцы, и их немедленно уничтожали при первых признаках нелояльности, проявлении самостоятельности, или популярности в народе — практика, применявшаяся не только цезарями, но и диктаторами нашего времени: по этим мотивам, например, популярный маршал Жуков, честолюбивые Молотов, Каганович, Шепилов и др. пребывают в почетной ссылке, а многие „враги народа" погибли при Сталине...

Неудивительно поэтому, что преемники византийских императоров — турецкие султаны, родственно с ними связанные (женились на греческих царевнах), переняли у них пышный восточный церемониал и формы государственно управления, основанные на иерархических началах: высший чин наблюдает за низшим, подгоняет еего, а всех этих слуг рабов подстегивает кнутом обожаемый верховный деспот-император.

Римские цезари узурпировали себе право жизни и смерти над своими гражданами, расправлялись с ними без всякого суда наравне с бесправными поддаными в завоеванных провинциях. В подобном же духе действовали и турецкие султаны с тем различием, что они лишали коренное туреецкое население всякого участия в государственном управлении. Правоверный турок, даже принцы крови, феодалы — не могли быть слугами султана, чиновниками. Все посты, начиная от низшего и до высшего — могли занимать только исламированные дети гяуров (христиан), воспитанные

в дворцовых школах султана. В Турции была осуществленна полная национализация, огосударствление людей и вещей: государство являлось личной собственностью султанов, им принадлежало все: все рабы, не исключая султанских жен и принцев крови. В этом огромном рабовладельческом государстве требовалось множество опытных надсмотрщиков, администраторов, хозяйственников, различных специалистов. Так как своим туркам падишахи не доверяли — могли бы проникнуть в тайны сераля, возгордиться, поднять руку на султана, то во избежание этих неприятностей, султаны создавали правительственный аппарат исключительно из иноверцев, чужеземцев, преимущественно христианских детей, набранных в порабощенных славянских странах — в Сербии, Греции, Албании, и др. Если не хватало, покупали похищенных молодых людей (и девушек в гаремы, где они проходили такую же муштру, как мальчики) у корсаров и крымских татар — (последние обычно торговали польскими и русскими рабами; одна из русских рабынь-фавориток султана официально была об'явлена султаншей).

Ежегодно баскаки султана в порабощенных странах забирали одного мальчика из каждой четверки, 12-20-летнего возраста, и в Констатинополе производили отбор: около 2-х тысяч здоровых подростков хорошей злобности (то есть огрызавшихся на обидчика — трус, плакса в начальники не годился) определяли в султанские дворцовые школы — их было шесть: в самов серале и в окрестностях столицы.

Эти пажи предназначались в будущем для занятия низших и высших постов (до великого визиря включительно); всех же остальных раздавали на руки преимущественно анатолийским крестьянам для работы, отуречивания, обработки в условиях спартанского режима (хлеб, вода, немного овощей). Потом возмужалых юношей снова собирали в Констатинополе: некоторых зачисляли в штат дворцовой прислуги, во флот, кандидатами в яньгчарские полки; всех же остальных определяли в рабочие команды для общественных и частных работ. (В СССР эти команды называют „школами").

Система турецкого воспитания в школах сераля и в янычарских казармах состояла в том, чтобы этих беззащитных молодых невольников, вырванных из родных очагов, в условиях полной изоляции от внешнего мира, под неослабным надзоров тренеров, державших их на поводку, дергавших за веровочку при малейшем невнимании, отклонения от направления, путем долгой (до 25-летнего возраста) муштры, суровой дисциплины (пряника и кнута) превратить в сторожевых псов султанского „человеческого стада", привить этим будущим сановникам-рабам, воинам павловские рефлексы автоматичности в исполнении, беспрекословного послушания повелениям, капризам падишаха, чтобы по слову его „Фасс!" (держи его!) с остервенением пса бросаться на указанную жертву, на людей не в фесках, терзать их, уничтожать в угоду своему повелителю, во славу ислама.

Воспоминания раннего детства, связь со своим христианским прошлым вытравливались усиленными дозами исламского фанатизма, зубрежкой Корана, арабских и персидских классиков: схоластическое образование (в СССР марксистское) считалось турками верхом учености, а всякое светское образование, как и книгопечатание — излишним: выше Корана ничего не могло быть. Это невежество в науках, вытесняемых, как и на „святой Руси", благочестием, было Ахиллесовой пятой турецкой системы воспитания. Турецкие паши, адмиралы, визири и прочие слуги султана, твердые в правилах веры, (партучебе) не имели никакого представления о географии, математике, истории, и они, например, были убеждены, что из Балтийского моря нет водного пути в Средиземное море, а потому русский флот не сможет атаковать Турцию на море: им пришлось дорого поплатиться за незнание географии...

Когда туркам от агрессивных действий (тогда они разговаривали мечом!) пришлось самим переходить в оборонительное положение (пользоваться дипломатией), то у них не оказалось для этого подходящих образованных людей — всякое светское образование, в том числе и изучение европейских языков, счита-

лось греховным (как и на „Святой Руси"), и поэтому пришлось в спешном порядке фабриковать дипломатов, как и яньгчаров прежде, исключительно из иноверцев, гяуров, преимущественно греков-фанариотов, армян, евреев, славян и др. но только не турок. Обучали их в созданном с помощью французов лицее. Как и яныгчары, новоиспеченные дипломаты — продукт иностранной культуры, крови, на службе у турецких султанов оказались очень эффективными — грека или армянина-дипломата очень трудно было перехитрить дипломатам московской фабрикации, из-за промахов которых, как и слабых в грамоте русских полководцев, продвижение России к Черному морю было куплено большой кровью.

Свыше двухстот лет эти псы в человеческом облике служили надежной опорой трона падишахов, ударной силой, решавшей исход войн, превративших Турцию в могущественную империю, перед которой трепетала Западная Европа, как ныне она снова затрепетала перед ее северным соседом, претендующим на мировое господство. Как это ни парадоксально, но эти же головокружительные успехи явились причиной упадка Турции, превращения ее в „больного человека". Закат ее начался с момента подрыва яныгчарской силы. Военные успехи вскружили голову и яныгчарам и природным туркам. Последние все настойчивее требовали распространения яныгчарских привилегий и на них: допущение в запретные дворцовые школы, на правительственные должности, в яныгчарские и кавалерийские (спаги) полки султана (одна служба в частях феодалов турок не удовлетворяла).

Под общим натиском запретные двери приоткрылись, рвавшиеся к власти турки наводнили дворцовые школы, яныгчарские полки, гяуры в них почти исчезли, произошло как бы отуречивание, превращение их из кастовых, замкнутых в общедоступные учреждения. Увеличение численности яныгчарских полков с 20-ти до 100 тысяч человек и выше понизило уровень подготовки, боеспособность этой султанской гвардии. Дети турок уже труднее поддавались дисциплине, чем беззащитные дети гяуров.

Усилился напор со стороны России, мечтавшей о Дарданеллах, о восстановлении византийской империи под эгидой дома Романовых. Турции уготовлялась судьба Польши. Екатерина 2-я, как сама она выражалась, подпалила Турцию с четырех сторон.

Была близка к осуществлению идея любимцев Екатерины о превращении Констатинополя в одну из шести русских столиц: Петербург, Москва, Астрахань, Берлин, Вена, Констатинополь, но сплоховал Алексей Орлов: истребив турецкий флот в Хиосском заливе и Чесменской бухте, он увлекся завоеванием Архипелага, упустил случай захватить Дардаленны, которые успели укрепить французские инженеры. „Разгромили турок, — замечает В. Ключевский, — не потому, что русский флот был хорош, а потому, что турецкий флот был плох".

Все это вместе взятое не могло не сказаться в неудачной для султана войне с Россией 1768-1774 г. г. Неудачи турок вызавли недовольство, волнения, поиски виновников поражения. Создавшееся положение требовало реорганизации армии, коренной ломки, усвоения современных, более сложных методов военного искусства. Учуявшие опасность яныгчары заволновались, бунтовали: после двух убийств неугодных им султанов — Селима 3-го в 1807 году и сменившего его Мустафы, — преемник последнего Махмуд 2-й, поднявших против него бунт яныгчаров истребили в 1826 году огнем артеллерийского парка, созданного под руководством немецкого офицера Мольтке — будущего победителя Наполеона 3-го.

Яныгчаров постигла участь русских стрельцов, уничтоженных Петром 1-м и египетских мамелюков, в 1817 году предательски истребленных Махмедом Али в каирской цитадели. Как бы в виде надгробной эпитафии над могилой этих людей, своей кровью, доблестью создавших величие, славу Турции, А. Тойнби с циничностью горделивого бритта замечает: „Если сторожевая собака утратила свою полезность, да еще взбесилась, то ее надо уничтохить, как бы ни были велики заслуги, преданность хозяину в прошлом".

Следы турецкого влияния заметны и в советской школьной системе, особенно в высших

партшколах, школах-интернатах, но попытка всеобщей роботизации всего подрастающего молодго поколения, а не только одной, как это было в Турции, сравнительно небольшой группы, натыкается в СССР на большие затруднения: своевольные, вольнолюбивые по природе, советские дети плохо подддаются спартанской дисциплине, автоматизации в исполнении, их трудно удерживать на веровочке тренера, они ведут себя дурно, доводят своих наставников до бегства из школ-интернатов.

Попытаемся теперь сделать некоторые выводы и сравнения. Папа у католиков, — ему можно только молится, кланяться, кадить, целовать туфлю; у большевиков диктатор, — он всех наставляет, поучает, подгоняет, но его только хвали, кади, не тронь, а то укусит; колледж кардиналов в Ватикане, в Кремле — политтбюро, или президиум по новой терминологии; у обоих — духовного и светского диктаторов — с языка не сходит слово мир, а в руках всегда меч; щедры на словесные посулы, обещания в сем и загробном мире в будущем, а в душе — злые помышления — как бы покрепче усесться на спине пасомых, поглубже залезть в карман.

Иезуиты и большевики придерживаются одного правила: все средства хороши для достижения цели: обман, надувательство, убийства, террор. В основе христианской религии — миф о воскресении Христа: „но почему же он, — замечает Спиноза, — после воскресения из мертвых, не явился синедриону или Пилату, а только своим верным ученикам?"... „Цель религии, — по утверждению того же Спинозы, — „не внушение правды, а повиновения". К той же цели сводится и политика советского правительства: в школах, в партии воспитывают в духе беспрекословного послушания диктатуре.

В основе коммунизма — позаимствованная Марксом у древнего христианства легенда о будущем золотом веке на земле — „царстве Божием", которого не смогла осуществить христианская церковь почти за два тысячелетия из-за отступничества от Христа. Не создадут золотого века и марксисты. Расчеты Хрущова на скорое осуществление коммунизма проблематичны: коммунисты еще не преодолели тех самых сил, которые когда-то сломили дух подлинного, христианства, затормозили создание „царства Божия" на земле, перенеся осуществление его в небсные сферы, то есть туда, где видимые формы жизни распадаются на бесконечные мелкие бесформенные атомы.

Коммунизм Хрущева, как и церковное христианство, — неполноценный. Но он, оживленный семенами свободы, безвластия, в будущей либертарной форме послужит основою для осуществления мечты человечества о золотом веке на земле.

МИР

НЕОСОЗНАННЫЙ АНАРХИЗМ

Приведем маленький рассказик, носящий звучное название: „Золотой Колокольчик." Рассказик — перевод с испанского. Вот он:

***

В кармане у бабушки всегда была в запасе коробочка с конфетами, которыми она угощала своего маленького внучка Хавьера. Но в этот день ребенок не выучил урока, и старушка положив свою руку на кудрявую головку ленивца, торжественно произнесла:

— Для ленивых детей у меня нет конфет.

Резвый и шаловливый Хавьер грустно опустил свою хорошенькую головку. Ему было уже шесть лет, и бабушка, не чаявшая в нем души, терпеливо и с увелечением занималась с ним.

Умирал день,, наступили сумерки, и Хавьер забыл недовольство своей бабушки, чей слабый характер он хорошо знал: весело играл около нее когда вдруг заметил, что она заснула. Широкий вместительный карман бабушки даже оттопырился от лежавшей там коробки с конфетами!

В груди Хавьера быстро созрело решение: он возьмет целую горсть соблазнительных сластей, бабушка не заметит, а потом, когда проснется, она еще даст.

Тихонько, на цыпочках, подобрался ребенок

к заветному карману, наклонился и протянул руку. Только что хотел он взять коробочку, как вдруг где-то между ним и бабушкой, нежно и медленно зазвенел колокольчик. Так ясен и отчетлив был его звук, что бабушка проснулась, — так, по крайней мере, показалось мальчику.

— Слышишь золотой колокольчик? — спросила старушка испуганного мальчика.

— Где звонил, бабушка? — смущено пробормотал мальчик.

— В твоем сердце, детка. Твой святой и твой ангел предупреждают тебя, так как ты только что хотел сделать нехороший поступок.

Красный и смущенный стоял Хавьер, не смея поднять глаза. Он был таким жалким и несчастным, что бабушка нежно привлекла его к себе, положила руку на его шею и вытащила из-за ворота матроски тонкую цепочку, на которой висели, слегка позванивая, медальоны с изображением ангела и святого Хавьера.

— Слышишь, милый — спросила бабушка, обнимая его.

— Да, бабушка, звенит, как золотой колокольчик.

— Я просила и молила Бога, — продолжала старушка, чтобы Он оберегал тебя от греха. И ты видишь теперь, ты хотел согрешить, и твой ангел и святой своим чудесным звоном не дали тебе сделать это.

И пока Хавьер целовал свои образки, бабушка проговорила:

— Пусть же навсегда луша твоя хранит память о святом звоне золотого колокольчика и предостерегает тебя от греха.

***

Таких рассказов — больших и маленьких — великое множество в мировой литературе. Торжество добра над злом — любимая тема каждого писателя. Эта же тема преобладает в сказках, былинах, а иногда даже в кино-фильмах.

А между тем, мало кто задумывается над тем, что торжество добра над злом и есть анархизм. Все хорошие люди — анархисты, — любит выражаться один из современных американских анархистов (Аммон Хеннаси). Возможно, что в этом выражении есть некоторое преувеличение, ибо в современном строе даже хорошим людям трудно всегда быть хорошими, но что анархизм состоит исключительно из хорошего — в этом не может быть никаго преувеличения. Анархизм — добро, любовь, правда, красота и т. д.

Отличаются анархисты от выведенной в рассказе старухи только тем, что добро, по понятиям анархистов, совершается не по воле хранителя, а по воле самого человека, успевшего уже отсеять добро от зла.

ХРИСТОС ПО = ДУХОБОРЧЕСКИ

(Из духоборческого журнала „Искра")

Все ожидали Христа, и каждый верил, что придет Христос и даст ему именно то самое, что только ему и нужно для жизни.

Уже давно пророки пророчествовали:

„Настанет, — говорили они, — время, что всему миру перемена будет, — что зла не будет на земле, что везде будет одна чистая правда, — что все народы примирятся между собою и перекуют мечи свои на орала, — что нищие и вдовы будут успокоены и что, говоря кратко, отрет Господь слёзы со всякого лица страждущего."

А время шло, и зло не только не уменьшалось на земле, а разливалось все больше и грозило затопить всю землю. Но чем сильнее было зло, чем больше было насилия на земле, — тем крепче держались люди своей надежды, что придет Христос — и кого наградит, кому отомстит.

Вот придет Христос, — думали иудеи, притесняемые безбожными язычниками, — и всех неверных покорит и заставит служить им.

— Вот придет Христос, — говорили рабы, угнетаемые бесчеловечными господами, — и всем нам даст освобождеение от бесчеловечного насилия.

— Вот придет Христос, надеялись все уни-

женные на земле и оскорбленные, — отомстит за нас нашим обидчикам обиды горькие.

Самаряне с иудеями спорили о храме и никак не могли прийти в согласие. Одни говорили, что Бог лучше слышит, если Ему молится в Иерусалиме, а другие твердо убеждены были, что кланяться надо на одной из гор самарийских: Гаразин. В одном только согласны были и те и другие:

— Вот придет Христос: Он рассудит наше дело, Он все пути нам укажет, Он скажет нам где молитва скорее до Бога доходит.

Даже богатые и вельможи от пресыщения не знавшие какое себе развлечение найти, и те уповали на Христа.

— Хоть бы Христос приходил скорее, что ли? Может быть, и нам не так скучно стало бы жить на свете. —

А время явиться Христу приближалось. И один праведный старец говорил, что вот-вот и Христос явится: „не умру, — говорит, — пока своими глазами Христа не увижу."

**
*

И Христос пришел к каждому принёс то именно, в чем он и нуждался.

Богатым Он сказал: „Раздавайте богатства свои и будете иметь у себя небесное сокровище. А с богатством вы, как ни старайтесь, не найдете покоя душе своей!

А нищим сказал: „Зачем вы завидуете богатым: им не в чем завидовать. Что у них есть, то для вас не нужно, а что вам нужно всего больше, того у них ведь нет. А прежде всего ищите себе Царствия Божия, а проче все приложится вам."

Но как богатые, так и бедные остались недовольны Христовым наставлением. Богатые думали, что Христос будет для них как развлечение новое, а чтобы богатство раздавать, — этого они даже и не ожидали совсем от Христа. Бедные же расчитывали, что Христос по своем явлении разделит между ними все сокровища богатых, — и в этом полагали Царствие Христово.

А кто из бедных или богатых был доволен Христовым наставлением, тот совет Его прилагал к жизни и делался учеником Христа.

Господам и рабам Христос сказал вместе: „Вы все одинаковы между собой. Но если кто из вас хочет перед Богом быть выше другого, тот пусть всем служит."

И господа и рабы остались недовольны. Рабы думали, что Христос принесёт им волю, а Он возвестил им терпение и покорность, также и господа не могли согласиться, чтобы пойти в услужение к своим же рабам.

Кто из господ покорялся Христу, тот отпускал рабов своих на волю и считал их своими братьями. Также многие и из рабов делались учениками Христа.

Фарисеям и прочим лицемерам Христос говорил: „Не надейтесь на посты ваши: не то сквернит, что в уста, а что из уст; не надейтесь на десятины: Бог милости хочет, а не жертвы; не надейтесь на свой храм и свои праздники: сын человеческий больше храма и субботы."

А мытарям, блудникам и грешникам Он сказал: „Прощаю вам все грехи ваши, только вперед худого не делайте."

Как фарисеи, так мытари тоже не удовлетворились учением Христа. Одним обидно было, что он их молитвы и посты ни во что ставит, а другие недоумевали, как можно так, чтобы вперед не грешить: „лучше бы, — думали они, — пост или поклоны на нас накинул, только чтобы вперед грешить можно было." А которым наставление Христа по душе пришлось, те вступали в число учеников Его.

Самарянам и иудеям, которые спорили о вере, он сказал, что не в Иерусалиме и не горе Гаразин следует поклоняться Отцу, а на всяком месте владычества Его, да при том не плотью, а духом и истинной жизнью.

Не угодил этим Христос самарянам и иудеям. Самарянам показалось, что он унизил их гору, а иудеям было обидно за Иерусалим свой. И они сердились на Христачто Он осуждает их плотское служение и требует новогго, духовного.

Только понявшие истинность духовного поклонения присоединились к ученикам Христовым.

Но всем вообще Христос принёс благодать Свою, которая всем нужна.

„Заповедь новую, — сказал Он, — даю вам: любите друг друга. Иго, говорит, Мое благо и

бремя легко. Понесите, говорит, его на себе, — и найдете покой душам вашим."

И желавшие нести бремя Христово следовали по пути Его. И было последователей Христовых не много, а осуждавших Его весьма много.

***

Все недовольные Христом восстали на Него. Восстали на Христа и цари и князья, архиереи и фарисеи, богатые и бедные, мытари и грешники.

— Разве это Христос, что перед едой рук не умывает? — говорили на Христа те, у которых не одни руки, но и душа была осквернена нечистотой, но которые с усердием соблюдали все внешнее омовения.

— Разве это Христос, что с мытарями и грешниками дружится и за одним столом сидит, — говорили те, которые считали себя за самых праведных на целом свете.

— Разве это Христос, что явную блудницу оправдал? — говорили те, которые втихомолку грешили с этой блудницей.

— Разве это Христос, что Субботу Моисееву делами милосердия разоряет, — говорили те. которые праздники проводили в пьянстве и распутстве.

— Посты наши не почитать учит!

— Милосердного самарянина — еретика нашему священству предпочел!

— Все духовенство наше осудил!

А еще Христос называется, сын Божий, Царь какого-то царства!

И осудили Его, как богохульника и развратителя. И насмехались над Ним и надругались над Ним.

Ударяли Его по щеке, желая видеть, будет ли Он, как других учил, подставлять другую.

Плевали Ему в лицо.

Надевали на голову Его терновый венец.

Пороли Его бичами.

А Он все молчал и терпел, как овца, которую ведут на убой.

И озлились еще более враги Его.

— Разве это Христос? — говорили они. — Разве настоящий Христос стал бы терпеть всё это? Разве Христос позволил бы чтобы мы надругались над Ним? Нет, как бы мы всё это над истинным Христом проделали, — так и духу нашего не осталось бы.

— Да будет распят! — сказали первосвященники.

— Да будет распят! — кричал народ. Взяли и распяли Его как злодея со злодеями. Разбойники по бокам, а Он в средине между разбойниками.

***

Но не прошло и трех дней со времени распятия Христова, как ученикам Его, упавшим духом при виде уничижения Христа, открылось все духовное величие подвига, совершенного Христом, воскресла вера в вечное живое дело, заповеданное им Христом.

Христос не умер. Не прошло и трех дней, как Он воскрес для всех верующих в воскресение Его.

Первая узнала это Мария Магдалина, та, которая любила больше всех, и которой прощено было больше всех, и отселе посвятила жизнь свою делу Христову; узнали потом и другие женщины и возрадовались духом своим.

Узнали это двое учеников шедших в Эмаус, у которых возгорелось сердце от воскресения Христова.

Узнали это и десять учеников, которые из-за страха иудеев сидели в собрании за запертыми дверями.

Уверовал и Фома маловерный в воскресение Христа, когда ему сказано было: „блаженны не видецшие, но уверовавшие", и Симон Петр, прежде трижды отрекавшийся от Христая а теперь трижды обещавшийся любить Его больше всех.

Уверовали и те пятьсот братий, которые были на горе Галилейской, когда сказано было: „идите и учите всех сохранять то, чему Я учил вас."

И теперь веруют и делают дело Христово все те, которые воскресли для Христа, и в которых воскрес Христос.

Эти верные — тот храм нерукотворный, который воздвигнул Христос взамен рукотворенного храма Иудейского; это церковь Христова; это живое тело Христово, осуществляемое живущим в нем духом Христовым.

А. Аполлов

ОТКЛИКИ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

(Продолжение)

Не существует никакого языкового различия между белорусом-католиком и православным белоруссом, как его нет между хорватом-католиком и православным сербом, и правовое положение обоих их было одинаковым в королевской Сербии. Католики же белоруссы не могли в своей стране занимать должностей: народного учителя, волостного писаря, пристава, урядника, стражника, почтальона, жандарма или учиться в Виленском юнкерском училище, а только вне своего края.

Как католика, так и православного могли высечь розгами по приговору волостного суда — прежде, до освобождения крестьян, это делали сами паны без всякого суда. Березовая каша, нагайка, шпицрутены были, так сказать, всеисцеляющим средством в России по поговорке: „Палка дурна, да дает ума", и даже дворянское сословие и духовенство не составляли исключения из этого общего для подданых царя правила: дворян и батюшек секли еще в царствование полоумного Павла I, потом перестали; крестьян же формально осовободили от этого удовольствия в 1905 году, но это не означало фактического освобождения податного сословия от побоев. Меня, например, во время рекрутского набора, по приказанию уездного исправника Гольдбаха („истинно-русский" немец), полицейские стражники изрядно исполосовали нагайками за протест против незаконного призыва на военную службу, как первольготника. Высекли, — и с места в карьер в один из двинских полков.

В казарме я чувствовал себя хуже, чем в тюрьме, хотя материальные условия солдатской жизни гораздо лучше арестантской, но та же неволя и более строгая тюремной дисциплина. Рекруты еще не прибыли, меня не стали обучать в одиночку, поставили в строй со старыми солдатами. Когда я шел не в ногу, ротный кричал фельдфебелю: „дай ему рыло!" Добродушный зауряд-прапорщик (в должности фельдфебеля) покрикивал на меня, но рукам воли не давал, может быть потому, что вне занятий я помогал его мальчику в решении арифметических задач.

Жизнь солдата в казарме находится под неослабным надзором унтерофицеров и ефрейторов (из солдатской среды): даже фельдфебель, как и все г. г. офицеры, в казарме почти не выходили из ротной канцелярии, занимаясь разговорами. Солдат заинтересовало внезапное появление одиночки-новобранца. Многие из них бывшие фабричные мастеровые и несколько грузин (один из них старший унтер-офицер) в дозоенной жизни соприкасались с революционной средой, смотрели на меня, как на своего единомышленника. В казарме я определенно ощутил дуновение революционных ветров. Пребывание в полку было, однако, кратковременным: еще до прихода рекрутов меня все-таки освободили, как незаконно взятого первольготника.

И польские паны и царские чиновники смотрели на почти поголовно неграмотных, бедствоваших крестьян, как на людей низшей породы, не признавали их „мужицкого языка". Давно-ли эти господа пренебрегали своим родным языком — польским и русским, пользуясь в домашнем обиходе более „благородным" французким языком? До почти одновременного появления гениальных поэтов в Польше — Адама Мицкевича (1798-1855), а в России — Александра Пушкина (1799-1837), польский и русский языки тоже были далеки от нынешнего изящества, совершенства, достигнутого сравнительно недавно благодаря распространению школьного образования, не проникшего (или же только в микроскопических дозах) в пределы Белоруссии. Некультурность белорусского языка (она теперь уже преодолена), по верному замечанию К. Каутского, „не указывает на его отсутствие, а лишь на недостаточность развития". Это понимали все знающие, передовые русские люди — Н. Чернышевский, М. Бакунин, П. Кропоткин, академик Карский профессора Драгоманов и Костомаров, и мн. др., признававшие право на самостоятельное су-

ществование украинского и белорусского языков.

Конечно, Победоносцевы, Уваровы, Деляновы, Леонтьевы и др. шовинисты, обскуранты не только не признавали этих языков, но по замечанию Н. Чернышевского, не хотели никакого народного просвещения, не желали обучения крестьян ни на каком языке. И когда все-таки школы проникли в деревню, то их предоставили попечению, заботам батюшек (они же и учительствовали в школах), и к ним неприложим термин ограмотителей народа. Дети плохо усваивали грамоту на малопонятном языке, и один из моих дядей при своем венчании не смог расписаться в книги брачных записей, об'явил себя неграмотным.

— Но я же обучал тебя письму в школе, Антон?

— Все забыл, батюшка.... — он, видимо, по получении аттестата, не написал ни одного слова, не видел в глаза ни одной книги.

В противоположность крестьянам, евреи в Белоруссии были почти поголовно грамотными: с раннего возраста детей обучали еврейской грамоте в хедерах (синагогальная школа). По утрам, у еврейских домов вокруг базара, церковный служка во весь голос выкрикивал: „ешуле арайн" (пошли в школу!) — и стар и млад повиновались этому призыву. Как пастушок (я только газетчик, теперь, но есть и повыше пастушки в Кремле), я был уже на ногах, выгонял коров на пастбище. Мне очень хотелось спать, я завидовал еврейским школьникам, а они, конечно мне, вольной птице: меламед (учитель) хлестал их ремешком, если они плохо усваивали повторяемые в унисон молитвы, библейские тексты. Так, сызмальства, устанавливалась неразрывная связь молодого поколения с синагогой, общиной. В редких случаях имели место отступления, несоблюдение строгого еврейского ритуала, обрядностей. Даже бундовцы — еврейские марксистты, вольнодумцы по духу, — наружно оставались ортодоксами: браки санкционировались синагогой (обряд еврейского венчания происходил не в самой синагоге, а вне ее, во дворе), обрезывали своих детей, блюли День субботний. Я был очевидцем того, как адвокат-еврей, приехавший в субботный день к мировому судье по каким то делам, был встречен стариками евреями плевками, потоком ругательства („шейгец", „агой"), вдогонку ему полетели камни.

Евреи старались обучить своих детей и русскому языку если не в школах, то пользуясь услугами домашних учителей, которые сами экстерничая (то есть готовясь к экзаменам на аттест зрелости), снискивали пропитание учительством в местечках. Эти молодые люди, преодолевая большие затруднения, нужду, добываясь своей заветной цели (если не погибали от чахотки) — аттестата зрелости, с которым, с такими же злоключениями, пробиваясь уроками и голодая, получали высшее образование если не в русских (из-за процентной нормы), то в заграничных университетах...

Эти утесняемые люди, скученные з захолустьях еврейской черты оседлости, ущемленные в своих гражданских правах, должны были платить налоги наравне с „полноправными" поддаными царя, но в армии, например, еврей-вольноопределяющейся, даже с высшим образованием, не мог быть произведен в прапорщики (первый офицерский чин) при увольнении в запас, а нижний чин (еврей) — в унтер-офицеры: их брали на войну, требовали, чтобы они умирали за „веру, царя и отечество". Большинство евреев служили в русской армии, воевали, погибали на войне, но многие предпочитали службе уклонение от войнской повинности, бегство за границу. Примеру их следовали и многие белоруссы-призывники, недовольные своей судьбой.

***

Не раз мне в США приходилось слышать укоры русских беженцев (б. царских офицеров) в адрес старых эмигрантов дореволюционного времени:

— Уехали в Америку еще до Первой мировой войны? Ага! значит — не хотели служить в армии, дезертировали.

— Да, тысячи крестьян, не говоря уже об евреях, ежегодно убегали за океан от безземелья, голодухи, обирательства панами, произвола власти — от хорошей жизни не побежали бы в чужие негостеприемные края. Чего же побежали сюда и вы, белые, после революции?

Ага! Вас обижала новая власть, какие то мужики, хамы... А вы-то, когда сидели на верхах, гладили нас, мужиков, по головке? И почему мы должны были служить в армии, когда вы нас прижимали, издевались? Как только вас, белую кость, сравняли с мужиками, заставляли работать наравне с ними, вы и завопили „караул-, ратуйте-", во все тяжкие побежали за границу, где вас не так уж любезно приняли, как побитых, испугавшихся тех же самих мужиков, над которыми вы еще недавно издевались. В Америке вы с нами в одной лодочке: из прежних господ, помыкавших своей прислугой, батраками, мужиками, вы сами превратились в слуг американцев, джениторов, уборщиков нечистот, зарабатываете теперь хлеб насущный в поте лица своего.

— Вы невинно пострадавшие? Нет, отвечу я вам словами библейского страдальца Иова: „Его (обидчика) потомству Бог возмездие бережет", и вы г. г. царские офицеры, помещики, сановники и прочая дворянская знать, очутившиеся „на дне", в трущобах американских городов, расплачиваетесь за свои и ваших отцов бесчеловечность, жестокость, издевательства над своим меньшим братом мужиком, своим кормильцем и поильцем. И тут уж не помогут вам ваши молитвы, храмостроительство, внезапно вспыхнувшая у вас ревность к православной церкви, ни ваш сомнительный патриотизм — вам придется на чужбине испить до дна горькую чашу изгнания.

М. Р-н.

ЧАСТУШКА

(Сложилась во дни восстания Кронштадта)

Всероссийская коммуна
Разорила нас до тла,
Коммунистов диктатура
Нас до смерти довела.

Мы помещиков прогнали,
Ждали волюшки, земли,
Всех Романовых стряхнули,
Коммунистов обрели.

Вместо воли и землицы
Чрезвычайку дали нам,
И советские хозяйства
Насадили тут и там.

Хлеб, скотину забирают,
Пухнет с голоду мужик,
У Еремы взяли Сивку,
У макара и сошник.

Нет, ни спичек, керосина,
Все с лучинами сидят,
При коммуне большевистской
Только карточки едят.

Чрезвычайник выезжает
Что твой царский генерал!!!
Кровью землю заливает,
Все до нитки обобрал.

Подымайся люд крестьянский,
Всходит новая заря —
Сбросим Троцкого оковы,
Сбросим Ленина-царя.

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ БАКУНИНА

Сестре композитора А. Рейхеля из Кенигштейнск. тюрьмы)

I

16 февраля 1850 г.

...Итак, Вы уже знаете, что я приговорен к смерти. Теперь я должен сказать Вам в утешение, что меня уверили, что приговор будет смягчен, т. е. заменен пожизненной каторжной тюрьмой или столь же продолжительным заключением в крепости. Я говорю: Вам в утешение, потому что для меня это не утешение. Смерть была бы для меня куда милее. Право без фраз. положа руку на сердце, в тысячу раз предпочитаю смерть. Каково всю жизнь прясть шерсть или сидеть в одиночестве, в бездействии, никому ненужным, в крепости за решоткой, просыпаясь каждый день с сознанием, что ты заживо погребен и что впереди еще бесконечный ряд такких безотрадных дней! Напротив, смерть только один неприятный момент, к тому же последний момент, которого никому не избежать, наступает ли он с церемониями, с законными заклинаниями, трубами и литаврами, или захватывает человека неожиданно в постели. Для меня смерть была бы истинным освобождением. Уже много лет нет у меня большой жажды жизни. Я

жил из чувства долга, смерть же освобождает, как от всякого долга, так и от ответственности. Я вправе желать смерти, так как ничья жизнь не связана неразрывно с моей.

Правда, за последние два года в Германии у меня было мало радости. Часто бывал в самом затруднительном положении. Один, очень часто без денег, я был вдобавок ославлен, как русский шпион в то же время, с другой стороны, на меня смотрели, как на неистовного, безумного якобинца,. И то, что меня считали за русского шпиона, толкнуло меня на некоторые сознательно неосторожные шаги, запутавшие и скомпрометировавшие меня. Я мог, но не хотел бежать из Дрездена. Чего я хотел, я скажу Вам, дорогой друг, посколюку я могу себе позволить здесь говорить свободно: я бросился между славянами и немцами, между двумя великими,но, к сожалению, взаимно друг друга ненавидящими расами, бросился, чтобы предотвратить гибельную борьбу и повести их соединенные силы против русской тирании. Не против русского народа, нет, а для его освобождения. Это было гигантское предприятие. Я был один, не имея ничего кроме доброй, честной воли, и, может быть, меня могли упрекнуть в том, что с моей стороны было донкихотством думать о такой гигантской работе. Я же расчитывал на более продолжительный прилив в движении. Я ошибся в расчете: отлив наступил раньше, чем я ожидал. И вот я засел в Кенигштейне на самой высокой точке Саксонии. Собственно, Дрезден был для меня случайностью; но в нем то как раз я и потерпел кораблекрушение.

Заслужил ли я смерть? По законам, насколько я их понял из объяснения своего адвоката, да. По совести же моей — нет. Законы редко согласуются с историей и почти всегда отстают от нее. Поэтому-то на свете происходят и всегда будут происходить революции. Я действовал согласно искреннему убеждению и для себя не искал ничего. Я сел на мель, как многие, лучшие, до меня, но то, что я желал, не может погибнуть, и не потому, что я этого желал, а потому, что то, чего я желал, необходимо и неизбежно. Рано или поздно, с большим или меньшим количеством жертв, оно вступит в свои права и осуществится. В этом мое утешение, моя сила, моя вера...

Дорогой друг! Вы мечтаете о царствии небесном на земле, считаете, что довольно только слова, чтобы обратить мир, чтобы вести людей к человечности и свободе. Но откройте летописи истории и Вы увидите, что малейший прогресс человечества, каждый новый живой плод произошел из облитого человеческой кровью... — и потому мы можем надеяться, что и наше дело тоже не пропадет совсем... Примирение невозможно, как между огнем и водою, которые вечно борются между собою и все же силою природы вынуждены жить вместе. Я знаю, Вы ненавидете бури, но правы ли Вы? Вот вопрос... Бури в нравственном мире так же нужны, как и в природе: они очищают, они молодят духовную атмосферу; они развертывают дремлющие силы; они разрушают, подлежащее разрушению, и придают вечно живому новый неувядаемый блеск. В бурю легче дышится; только в борьбе узнаешь, что такое человек, что он должен, — и, поистине, такая буря нужна была теперешнему миру, который был очень близок к тому, чтобы задохнуться в своем зачумленном воздухе. Но она далеко еще не прошла; я думаю, я твердо убежден, что пережитое нами является только слабым началом того, что еще наступит и будет долго, долго продолжаться... Час его (час „этого, так называемого цивилизованного мира") пробил; его теперешняя жизнь не что иное, как последний смертный бой. Но не бойтесь, дорогой друг, придет более молодой и более прекрасный мир. Жаль только, что я его не увижу, да и Вы тоже, потому что, как я сказал, борьба продлится долго и переживет нас обоих...

М. Бакунин

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

Сергей Гурин (1886-1962)

2 апреля 1962 года в Детройте умер от рака уважаемый всей русской колонией общественный деятель и член Кооперативного Общества Сергей Гурин. Несмотря на то, что ему уже было 76 лет, как то не хочется верить, что он умер. Писать о покойном мне трудно, так как познакомился я с ним лишь в 1919 году, когда вернулся из Европы и вступил членом во 2-й Союз Русских Рабочих. Сознаю, что в написанном мной будут неточности, но чувствую что о ДОБРОМ человеке и друге нужно хоть кое-что написать. Сергей Гурин родился в деревне Колодное, Минской губернии, в 1886 году. В США приехал 1909 году. Сначала жил в Нью Йорке, а затем в Сант-Луисе. В 1915 году приехал в Детройт где и прожил до конца своих дней.

Сергей Гурин по своим убеждениям был безвластником. Искренне верил в этот идеал, активно работал для его осуществления. Будучи членом 2-го СРР, я постоянно с уважением выслушивал умные, талантливые и правильные мысли Гурина при решении тех или других вопросов. После разгромов СРР Палмером Гурин был арестован и предназначен к депортации, но потом был освобожден. Разгром Союзов Русских Рабочих, в которых

в то время была почти вся русская колония, не испугал, а, наоборот, дал нам больше сил и энергии. Сейчас же была организована группа преданных идее анархизма друзей, которые приступили к изданию подпольного журнала „Волна". Гурин, понимая подпольное дело, не расспрашивал о том, как издается журнал, а читал его с воодушевлением, и всячески материально помогал.

Позже, когда появились в Нью Йорке „Американские Известия", а затем в Чикаго „Рассвет", Гурин, как активный безвластник, понимавшей значение печатного слова, поддерживал эти издания. По природе своей Сергей Гурин был добрый, отзывчивый и честный человек, никогда ни к кому вражды не питал. Если иногда на собраниях он с кем либо не соглашался и вступал в спор, то по окончании заседания опять беседовал с спорившим, как с добрым другом. Помню, когда „Рассвет" очутился в руках Лебедева и в Детройте появились его сторонники, то на собраниях Коопер. Общества или Профсоюза Гурин всегда выступал против этих людей, а я иногда их защищал, но это нам не мешало всегда оставаться друзьями. Спорили на собрании, а после собрания — друзья.

Любили и уважали Гурина не только члены детройтских организаций, в которых он состоял членом, но и вся русская колония, о чем свидетельствуют его похороны. Отдать последнее „прости" пришли очень многие. Гора цветов двигалась на специальной машине, сотни автомобилей следовали в процессии за гробом. Похороны были гражданские, без речей, но, по решению супруги покойного, погребальщиком была прочитана по-английски молитва и гроб опустили в могилу. Спи же, наш добрый и всеми уважаемый друг! Пусть американская земля будет тебе легка! Мы же, оставшиеся, обещаем продолжать твое и наше дело!

Андрей

П ВАКУЛЬЧИК

26 марта с. г. в Юнгстоне (Охайо) умер на 67-м году жизни Павел Вакульчик. Покойный был родом из Гродненской губ., Кобринского уезда, Бездежской волости, дер. Заклетенье. Приехал в Америку совсем молодым — в 16 лет. За свое 50-летнее пребывание в этой стране Вакульчику пришлось испробовать много разных занятий, но больше всего он проработал у железно-дорожной компании Нью Йорк Сентрал в качестве сторожа на переезде через полотно железной дороги. Одно время имел свое маленькое дело — починочную сапожную мастерскую. Был женат, но детей не имел. Жена Вакульчика умерла в конце 1961 г. Ее смерть так сильно подействовала на нервы Вакульчика, что он вскорости заболел, слег в больницу и оттуда не вышел.

Из всех социально-политических течений Вакульчик считал самым правильным безвластие. В 30-х годах он принимал весьма деятельное участие в анархических организациях, но потом как-то незаметно отошел в сторону, но интереса к безвластию никогда не терял. Анархические журналы и газеты читал... Покойный до конца своих дней глубоко верил, что рано или поздно, но солнце правды взойдет над наше измученной планетой и люди не будут жить в клетках, именуемых государствами, а будут свободно передвигаться по всей планете.

С. М.

И. Н. КОВАЛЕВ
1879-1962

17 февраля с. г. в Чикаго умер Иван Никифорович Ковалев (Ковалевич), прожившим на этом свете 83 года. Родился Ковалев в Гродненской губ., Кобринском уезде, Больковской волости, в деревне Обечь — в семье безземельного крестьянина. Судьба его была определена с первых же дней вступления в жизнь: крестьянин без земли то же самое, что рыба без воды. Печальная участь мальчика усилилась еще тем, что его отец очень рано умер. Несмотря на то, что Ковалев очень прилежно учился в школе и несмотря на то, что он обладал замечательным голосом, вследствие чего был приглашен петь в церковном хоре, но он был вынужден оставить школу и идти искать куска хлеба. Заработков в той местности почти никаких не было. Только у помещика можно было заработать копейку-другую. К помещику и нанялся Ковалев в качестве кучера и конюха. Работая у помещика за хлеб и воду, Ковалев случайно узнал, что где-то далеко за морями есть Америка, где можно гораздо больше заработать чем у помещика. Это соблазнило Ковалева и он в 1907 г. отправился в неведомый ему край.

Америка в то время была не такая, как теперь: индустриализация еще не достигла своего зенита, а механизация лишь нарождалась. Работы выполнялись вручную, и работы эти в большинстве случаев носили сезонный характер. Поэтому летом при помощи агента работу можно было найти, но как только наступила зима — прекращались возможности найти работу. Не только приезжие из других стран, незнавшие английского языка, но и родившиеся в эттой стране коренные американцы часто зимою оставались без работы. Приходилось неоднократно и Ковалеву переходить на положение безработного. Безработица — бич рабочего. Плохо безработному приходится теперь, когда есть кое-какое пособие, но еще хуже было тогда, когда никакого пособия не было. Безработные тогда массами бродили по дорогам, стучались в дома, прося, как нищие, корочку хлеба. Иногда им давали чего-нибудь поесть, а иногда с бранью и руганью прогоняли со двора, а то еще и собаками травили.

Кто-то тогда пустил слух,, что безработным следовало бы занять церкви, где хотя и не уютно, но тепло, и где хорошо было бы ночевать. Слух этот подхватился и безработные — семейные и одинокие — двинулись к церквам. Хотя на церковных зданиях иногда и красуется надпись: „приидите все труждающиеся", однако безработных в церкви не впустили, а в тех случаях, где им удалось проникнуть, выгоняли их из церквей при помощи полицейских дубинок.

Ковалеву не трудно было уяснить причины безработицы, ибо приехал он в Соединенные Штаты если и не совсем сознательным рабочим, то во всяком случае с зачатками революционного сознания. Собтыия 1905 года, ознаменовавшиеся забастовками во многих городах России и крестьянскими бунтами против помещиков, были знакомы Ковалеву. Он был захвачен этими событиями, в частности ускорившими его от'езд в Америку. Прочитав в часы досуга несколько книг по социальным вопросам, Ковалев пришел к заключению, что причиной всех бедствий, как в России так и в Америке, является частная собственность и охраняющее ее государство. И земли хватило бы всем (как в России, так и в других странах), если бы она принадлежала тем, кто на ней работает. И работы было бы вдоволь для всех, если бы фабрики и заводы принадлежали тем, кто там работает. Став вполне сознательным рабочим, Ковалев, как и большинство таких как он, примкнул к Союзам Русских Рабочих.

Жил он тогда в Детройте. Знакомство с революционным движением еще в России, а также некоторые природные дарования помогли Ковалеву быстро выдвинуться в первые ряды массового тогда русского безвластнического движения в Америке. Он принимал активное участие во всех организационных начинаниях, а также неоднократно избирался делегатом на районные и областные конференции. На одной из таких конференций, состоявшейся в Кливланде, было обращено внимание на тот факт, что в двух городах — Сант-Луйс, Мизури и Медисон, Иллиной — расположенных один против другого на берегах Миссиссипи, не было до тех пор массовых прогрессивных русских организаций. Ковалеву, как жившему раньше в этих городах, было поручено сделать попытку — создать там Союзы Русских Рабочих. Ковалев свою задачу выполнил успешно. Через некоторое время Ст.-Луйс и Медисон славились своими многолюнымм организациями, имевшими возможность не только помагать всем культурным начинаниям, но и содержать хорошо налаженную школу с платным учителем. (Должность эту занимал ныне уже покойный К. Ф. Гордеенко).

В Чикаго Ковалев переселился в конце 20 гг. В то время среди эмигрантского населения Чикаго широко практиковались любительские кружки. Почти все национальности имели свои хоры, музыкальные оркестры и театральные труппы. Особенно выделялся украинский смешанный хор, созданный Бенецким, в котором участвовал и Ковалев (Его природный красивый голос, замеченный еще в то время, когда Ковалев ходил в школу, таким образом, даром не пропал). Газета „Чикаго Трибюн" ежегодно в конце лета устраивает под открыты небом свои многолюдные фестивали, для выполнения программы которых приглашаются лучшие представители музыкального и вокального искусства, и на которых всегда присуждаются кому-либо первые призы. В 1931 г. на фестиваль был приглашен хор Бенецкого и ему был присужден первый приз. Все участики хора, в том числе и Ковалев, получили медали. Ковалев, однако, гордился не столько своей медалью, сколько тем, что искусство безгранично и общечеловечно: американцам украинская песня оказалась такой же понятной, как и землякам Тараса Шевченко.

Ковалев долгие годы оставался на положении холостяка. Женился, когда ему было уже под 50. Думал, что хоть на склоне лет удастся найти пристанище в тихой семейной гавани. Но не суждено было. Сначала все шло хорошо, но потом жена заболела (на глаза) и на лечение ушли все сбережения. Сбережения ушли, но зрение жены не возвратилось. В дополнение к этому Ковалев остался без работы. Ему уже было около 70 лет, найти работу в таком возрасте — нечего было и думать. Полной пенсии (старикам) Ковалев не успел выработать, того скудного пособия, которое было назначено Ковалеву, не хватало даже на самую скромную жизнь. Что делать? Ковалев решил занятся „коммерцией": сколотил маленькую ручную тележку и начал собирать разное старье, перепродавая его более крупным старьевщикам. Но и это долго не могло продолжаться. Жена вскорости совершенно лишилась зрения. Пришлось все время быть дома и смотреть за беспомощной женой. Экономить приходилось на самом необходимом, иначе концы с концами никак не связались бы.

В 1958 г. жена Ковалева умерла, что сильно отразилось на его старческом здоровьи. С женой все же легче было делить горе. Оставшись в одиночистве, Ковалев все чаще и чаще начал ощущать перебои в деятельности сердца. Было ясно: сердце сдает, деятельность его падает. Доктора советовали Ковалеву перейти с третьего этажа на первый. Ковалев с этим соглашался, но совет врачей — одно, а выполнить его — совсем другое. Бедному старику найти такую квартиру, какая ему соответствовала бы, не так то легко. К тому же, квартира даже на первом этаже не избавляет человека от одиночества. Ковалеву не хотелось оставаться в одиночестве, переселиться жить к своим знакомым ему тоже не хотелось, ибо он знал, что в чужой семье он будет

лишь помехой. Единственный выход Ковалев находил в переселении в дом для престарелых. Но это переселение он все почему-то откладывал „на потом". Так прошло свыше года. Откладывавшееся и откладывавшееся „потом" наступило внезапно: в начале февраля, с. г. в самые лютые морозы, Ковалев сильно заболел и не вышел из своей квартиры в течение нескольких дней. Хозяйка дома обратила на это внимание, и позвала полицию. Ковалева нашли совершенно ослабевшим, лежавшим на диване. В квартире продолжала гореть электрическая лампочка: очевидно у Ковалева не было сил ее потушить. Больного немедленно же доставили в уездную бесплатную больницу (Каунти Хоспитал). Там Ковалев, после принятия медицины и некоторого успокоения, почувствовал лучше, но это лучше вскоре перешло к худшему. Неизвестно по какой причине Ковалев, уже находясь в госпитале, заболел воспалением легких и через пять дней после этого скончался.

Главные заботы по погребению Ковалева принял на себя его земляк и старый друг — В. Петров, на имя которог были записаны небольшие страховые полисы Ковалева, Покойный Ковалев всегда старался при жизни обходится без помощи других, — позаботился он и о том, чтобы его похороны не легли на плечи других, для чего он и приберег свои страховые полисы.

Хоронили Ковалева без религиозных обрядов. Такова была воля покойного.

Во время поминальной трапезы Н. Новин, хорошо знавший Ковалева, в кратком слове сказал, что Ковалев всегда стремился к тому, чтобы не стать обузой для других, вследствие чего вся его длинная жизнь прошла под знаком страстного желания быть независимым, как в материальном, так и в интеллектуальном смысле. Другой особенностью Ковалева являлось то, что он, даже тогда когда сам нуждался, помагал другим, попавшим в беду. Это подтверждается и отношением детей к Ковалеву, всегда его любившим за то, что он, возвращаясь из лавки и неся свои скромные покупки, всегда что-нибудь им давал. Если иногда кому-нибудь случалось, зайдя к Ковалеву и не застать его дома, то в таких случаях дети всегда выручали посетителя из затруднительного положения, указав ему куда отправился „добрый старичек".

Хотя смерть явление вполне естественное и хотя покойный Ковалев прошел доовльно длинный путь, но все же хотелось бы, чтобы добрый человек был еще с нами. Но в своем подобном хотении мы совершенно бессильны. Продлить жизнь человека, хотя бы и доброго, мы не можем, но мы можем продлить те добрые дела, которые творил этот добрый человек и тем самым продлить память о нем. Будем же продолжать то доброе и хорошее, которому был предан наш никогда незабываемый друг, Иван Никифорович Ковалев.

И. В.

Ф. Г. ЖУК.

20-го мая в Чикаго тихо скончался Фома Герасимович Жук: лег спать после ужина и заснул навсегда. Родился Жук в 1896 году в деревне Кривляны, недалеко от Брест-Литовска. В Америку приехал в 1913 г. — в самый разгар наплыва сюда русских. Вся гродненщина тогда ехала в Америку, — поехал и Жук, несмотря на то, что ему в то время было только 16 лет.

Очутился в Америке Жук, как и все мы, без знания языка, без денег в кармане (на заработки ведь приехал) и, в довершение ко всему этому, без хорошего здоровья. Ростом Жук был высок, но его здоровье никак не соответствовало его росту. Попав на работу в портяжную мастерскую, где все еще существовала система потогонного труда, Жук скоро убедился, что идти обычным путем русского эмигранта, — путем тяжелого физического труда, — он не сможет: сил не хватит. К этому временно он успел уже заметить, что в Соед. Шт. есть много других работ — легких, чистых и неизнурительных. Но... иметь хорошую работу мог только тот, кто хорошо говорил по-английски. И вот Фома Жук, вместо того, чтобы околачиваться по „салунам" как это делали многие наши деревенские пареньки, попавшие в эту страну, — пошел в школу: сначала в начальную, а потом в среднюю. Ту и другую он успешно окончил.

Еще во время посещения школы Жук начал подумывать о том, что не плохо было бы стать парикмахерем: работа не тяжелая и к тому же независимая. Одно время его мечта близка была к осуществлению: поработав некоторое время подмастерьем, Жук основательно изучил ремесло, подыскал помещение и даже получил уже разрешение на открытие парикмахерской... Но в это время он увлекся музыкой, да так страстно, что забыл все на свете. Кажется почти невероятным, чтобы из простого деревенского парня вышел музыкант. А вот это чудо случилось. Жук стал музыкантом. Давал он уроки на дому, имел также классы в некоторых музыкальных школах. Последние годы своей жизни — около 30 лет — Жук занимался исключительно преподаванием музыки. На его похоронах, состоявшихся 23 мая, присутствовали многие видные представители музыкального мира; было также много его учеников. Похоронен Жук в северной части Чикаго, в Эванстоне, у самого Мичиганского озера, которое он так любил и на которое смотрел почти каждый день.

Жук не называл себя анархистом, но значитель-

ная часть его жизни протекла в анархической среде. Когда газета „Рассвет" выходила в Чикаго, то, пожалуй, не было ни одного дня, чтобы Жук внезапне влетал в редакцию, держа под мышкой свою неразлучную скрипку. В редакции в это время, обычно, кипела оживленная работа: готовили к выпуску очередной номер газеты. Жука, однако, это мало смущало. Обменяется, бывало, несколькими фразами, и тут же расскроет футляр, извлечет оттуда скрипку и начнет угощать всех присутствующих своим бесплатным концертом. Это, конечно, мешало работавшим в редакции, но сердиться на Жука никому и в голову не приходило. Его чудачество так и принималось за чудачество. Это доказывает, что у Жука не могло быть врагов. Все его любили, все его терпели,, хотя он в своем чудачестве иногда заходил слишком далеко.

Жука можно ставить в пример. Он свидетельствует, что человек при известных усилиях может пойти очень далеко. Приехав в Америку простым деревенским парнем, Жук закончил свой жизненный путь в рядах американской элиты, — правда, бедной, чисто чеховской, но все же элиты. От простого деревенского парня до преподавателя музыки — путь длинный и крутой. Но Жук прошел его с честью. Осанна ему за это...

Старожил

Д-р А. И. НЕДЗЕЛЬНИЦКИЙ

Минувшей весной (в апреле) умер популярный среди русского населения Чикаго врач Александр Иванович Недзельницкий (Недзел) — сын долголетнего православного миссионера, начавшего службу в США еще в бытность главою миссии здесь архиепископа Тихона (впоследствии московский патриарх).

По настоянию своего отца, Александр Иванович получил медицинское образование в Харьковском университете и был оставлен при нем для подготовки к профессуре. Этот план разстроила разразившаяся первая мировая война, которую А. И. провел на фронте в качестве военного врача. После войны — внешней и внутренней — А. И. приехал в Соединен. Штаты, где ему, при содействии жившего здесь отца, удалось обосноваться в Чикаго.

Как человек общительный, с присущим южанину чувством юмора, А. И. пользовался большим уважением в дореволюционной русской эмиграции — и как добросовестный врач, и как общественный деятель. Он неизменно появлялся на русских вечерах, концертах, собраниях и т. т. Публике нравились его цеселые, шутливые выступления в качестве конферансье или же лектора. Вмешиваясь иногда в разгоревшийся спор на национальной почве, А. И. примирительно изрекал: „Разница между украинцами и москалями та, что одни пьют горилку, а другие — водку". Спорившие после этого переставали спорить, а начинали хохотать и аплодировать.

В конце концов А. И. переключился в более подходящую его характеру преподавательскую и исследовательскую деятельность, вступив в состав профессуры медицинского факультета Иллинойского штатного университета (патология, биология, кардиология). Здесь А. И., как и везде, снискал к себе полное уважение как со стороны своих американских коллег, так и со стороны студенчества.

После выхода на пенсию А. И. переселился во Флориду, думая, что там, вдали от северных холодов и городского шума, ему удастся продлить свою надломленную тяжелой ношей на чужбине жизнь. Но смерть везде следует за человеком... Под золотыми лучами флоридского солнца А. И. не удалось прожить даже полных десяти лет. Умер он на восьмом десятке лет. Его родители — отец и мать — прожили на этом свете более длинные сроки. Мать А. И. совсем недавно умерла. После смерти А. И. осталась его жена — полька с высшим образованием, полученным в России — и два сына (физики).

Р.

Н. БАСЕНКОВ

Наше общество понесло еще одну тяжелую потерю. 9 октября отошел от нас на вечный покой видный общественный работник **Николай Иванович Босенков.** Родился он 28 ноября 1895 г. Приехал в Америку до Первой мировой войны в поисках, как и все мы, выходцы из Европы, лучшей жизни.

Сначала ему пришлось пройти все мытарства рабочего-имигранта без специальности. Потом он поступил в школу электротехников и вышел оттуда квалифицированным монтером. В этой специальности он работал до конца дней своих. Жил счастливо с женой Екатериной, воспитал двух дочерей — Наташу и Нэнси, а когда они вышли замуж, остался вдвоем с женой, живя в полном достатке.

Он никогда не жаловался на плохое состояние здоровья, был бодр. Еще накануне рокового дня он приехал в Клуб и я с ним сыграл несколько партий на биллиарде. В разговоре он мне сообщил, что завтра собирается навестить одного из своих друзей, живущего на фарме. На следующий день, 9 октября, он поехал туда с женой. Оба пошли побродить по лесу, полюбоваться его осенним нарядом, а когда вернулись на фарму, Н. И. вдруг почувствовал себя плохо и через два-три часа скончался на глазах жены и испуганных хозяев. Врачи установили острый сердечный удар.

Весть о его смерти такой неожиданной всколыхнула всю русскую колонию в Детройте и вокруг него, ибо покойник был хорошим другом для многих, а врагов у него не было.

Покойник занимал также руководящее положе-

ние в общественной жизни колонии, отдавая ей все остающегося от работы время. Был ряд лет председателем Интернациональ'ного Кооперативного Об-ва и Русско-Американского Гражданского Клуба. С 1939 г. состоял в 72 отделе РООВА, всегда посещая его собрания и выступая часто с очень дельными рекомендациями.

Вечная память тебе, дорогой Николай!

Да будет тебе легка земля, в которой ты нашел себе вечный отдых!

А. Гойник

Письма читателей.

ОТ УЧАСТНИКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В эти дни, когда везде говорят о русской революции по случае ее 45-й годовщины, хочется и мне сказать несколько слов. Я — участник русской революции. Я боролся за свободу. Боролись за свободу и мои единомышленники-анархисты. Нам казалось, что с торжеством того, что обещали большевики, в России больше будет свободы. Вышло же наоборот: с торжеством большевизма все свободы (даже в урезанном виде) канули в вечность. Некоторые анархисты долго не хотели признавать свою ошибку — совместное выступление с большевиками. Даже тогда, когда большевики недвусмысленно показали свои клыки, — даже тогда некоторые анархисты продолжали тешить себя несбыточными надеждами на перерождение большевиков. Когда умер Ленин, тогда уже было хорошо известно, что собою представляют большевики, но и тогда некоторые анархисты сочли своим долгом воскурить фимиам Ленину, а за-одно и всех большевиков похвалить. Даже гораздо позже, когда весь мир содрогался от чудовищного издевательства над Сакко и Ванцетти, даже тогда некоторые анархисты одобрительно отзывались о большевиках. Перестали льстить большвикам только тогда, когда большевики всем анархистам зажали рот, — даже и тем, которые их хвалили.

Урок весьма печальный, но и он, к сожалению, кажется, пропадает даром. Как только в Испании события начали напоминать то, что было в России, анархисты опять оказались в союзе с большевиками. Русская революция, как видно, ничему испанских анархистов не научила. Нечто подобное теперь повторяется на Кубе. Федель Кастро успел уже некотрых анархистов отправить на тот свет, но несмотря на это в рядах анархистов есть немало симпатизирующих Кастро. Кажется, что анархистов больше пугает то, что было, чем то, что есть или же то, что будет.

Я не теоретик и не политик, но мне кажется, что анархистам следовало бы держатся в стороне от всякий политических катаваксий.

И. И.

ХОТЬ ОДИН РАЗ В ГОДУ.

,,Что ни год — уменьшаются силы'' — говорит один из русских поэтов. Так и у нас: что ни год — все меньше и меньше становится читателей ,,ДТП''. Смерть никого не милует. Под взмахом ее косы падают все — и богатые и бедные, и сознательные, и не сознательные. Смерть — знак уравнения. И это уравнение принимает все более и более быстрые темпы. Где были тысячи — остались сотни, где были сотни — остались единицы. Семья читателей ,,ДТП'' и раньше была не велика, — теперь же она еще уменьшилась. Но журнал ,,ДТП'' должен появлятся время от времени в свет. Хотя бы один раз в году, но мы должны иметь свой праздник — выход в свет очередного номера журнала. Я уверен, что это вполне возможно, если мы возьмем на себя ту тяжесть, которая лежала на плечах ушедших от нас товарищей.

М. Х.

ИЗ УРУГВАЯ

Только что получил несколько номеров нашего умирающего, как и мы, журнала ,,Дело Труда — Пробуждение''. Наши ряды редеют. Смены нет. Потомство ассимилируется. Жаль, но надо признать, что это явление вполне нормальное. Русская эмиграция в недалеком будущем станет достоянием истории.

Номер 65 „ДТП", если не считать технических промахов, хороший номер. Очень своевременная передовая „Что делать". Ответ на этот вопрос оказался в конце журнала — в статье Ф. Ч. „Полвека." Там сказано, что нам, анархистам, нужно делать. В первую очередь нам нужно объединяться — и по национальной, и по идейной линии. Жду следующего номера журнала.

А. Ч.

О СОДЕРЖАНИИ ЖУРНАЛА

Я рад, что редакционная коллегия иногда рассылают читателям обращения, в которых затрагивается весьма важный для всех вопрос — о будущем журнала „ДТП". Однажды я уже писал, что закрытие журнала равносильно нашей политической смерти. Повторяю это сейчас. Журнал должен выходить, но печатающиеся на его страницах статьи должны быть строго идейные. Засорять журнал разными плевалами не следует. К сожалению в последнем номере журнала было допущено это засорение. Там была напечатана статья о жизни в СССР явно пробольшевитского характера. Таким статьям на страницах анархического журнала не должно быть места. Пусть сами большевики о такой жизни в СССР пишут, пусть сами они врут, а нам нечего им подпевать. Если в дальнейшем будут появляться такие же статьи, то пожалуй, лучше закрыть журнал сейчас же. Лучше умереть без пятнышка, чем пачкать себя.

В. Р.

ПЕНСИОНЕРЫ — НЕ МИЛЛИОНЕРЫ

Всякое социальное явление напоминает палку о двух концах. Закон о социальном обеспечении тоже имеет два конца. С одной стороны, он улучшает положение людей, обеспечивая им кусок хлеба на старости лет. Но с другой стороны, он ухудшает положение, т. к. лишает возможности работать после 65 лет. Некоторые большие предприятия, стараясь быть сверх лояльными, увольняют тех рабочих, которые достигли 65-го возраста, даже в том случае, если эти рабочие физически еще способны к труду. Таким образом, пенсионеры состоят из двух категорий: вышедшие на пенсию добровольно и вышедшие на пенсию по принуждению. Последних, пожалуй, большинство. Делятся пенсионеры и по размерам пенсии. Бывшие президенты, министры, сенаторы, губернаторы, адмиралы и другие высокопоставленные лица, получают такую пенсию, что ее хватило бы на десяток человек. Рабочие же в большинстве случаев получают такую пенсию, что ее не хватает даже для прокормления одного человека. Многие читатели „ДТП" — тоже пенсионеры, и их пенсия тоже недостаточная даже для прокормления одного человека. Но несмотря на это, они жертвуют на издание „ДТП". Жертвуют, конечно, столько, сколько их карман позволяет. Пожертвовали бы больше, но... рада душа в рай — да не пускают туда. Строки эти написаны двумя пенсионерами, всегда жертвующими на журнал.

С. и С.

ПИСЬМО ИЗ ДЕТРОЙТА

Уважаемые товарищи! Посылаем в фонд издания журнала „ДТП". 180 долларов. 15 дол из этой суммы — выручка от продажи журнала, а остальные пожертвования. Жертвовали следующие товарищи: С. И. Евдост. — 50 д., М. Г., И. Ч., К. К., Т. Д., и К. Ш. — по 20 дол., С. К. — 5 долларов. Из Сан Франциско поступило от Н. Г. 10 долларов.

Как ни печально, но приходится признаться, что смерть в последнее время так часто заглядывает в наши ряды, что мы не успеваем почтить память умерших некрологами. До сих пор, например, не было некролога, посвященного Степану Томилину. Смерть Григория Близнюка тоже до сих пор остается неотмеченной. Значительно запоздал некролог, посвщенный Сергею Гурину. Недавно умер Николай Басенков, но успеет-ли появится в этом номере журнала некролог?... — Все вышеназванные товарищи являлись хорошими работниками в наших организациях. Невольно вспоминаются слова песни: „Вот умру я умру, похоронят меня, и никто не узнает где могила моя". Все это происходит, конечно, потому, что журнал наш выходит из печати очень редко. Если бы журнал выходил чаще, то никаких пропусков не было бы. Но и редкий

выход журнала возможен только благодаря неиссякаемой щедрости некоторых наших товарищей, жертвующих на каждый выпуск по 10-20 долларов. А вот М. Волынский пожертвовал на № 65 даже значительно больше — 50 долларов. Столько же пожертвовал В. И. Д., написавший вдобавок к этому прекрасную передовую „Что делать?" Тепрь к ним присоединился С. И. Евдост, пожертвовавший на № 66 50 долларов. Мы надеемся, что и другие наши друзья последуют их примеру.

Профсоюз

К ЧИТАТЕЛЯМ „ДТП"

Журнал „Дело-Труда-Пробуждение" — единственный отблеск, последнее доказательство нашего когда то значительного движения в этой стране. Больше у нас нет. Только журнал остался... И если погаснет эта последняя искорка, то вокруг нас сгустится мрак, наступит могильная тишина и мы превратимся в живых мертвецов. Перспектива — весьма и весьма непривлекательная. Мы должны ее избежать. Мы должны приложить все усилия и позаботиться о том чтобы журнал выходил из печати. Пусть редко, с перебоями, но он должен выходить... В этом году уже вышел один номер, но нужно выпустить еще один и посвятить его (частично) юбилеям, которых в этом году очень много. Если мы это сделаем, то этим самым докажем, что мы — анархисты не только на словах, но и на деле, что мы можем не только говорить о красивом, но и претворять это красивое в жизнь. Издавая журнал, мы делаем гораздо большое дело, чем это кажется на первых порах. Издаем мы журнал не по декретам, не по приказам, а исключительно по своим добровольным побуждениям, своими собственными силами и, конечно, на свои собственные средства и тем самым доказываем, что анархизм вполне осуществим в наше далекое от совершенства время.

От Редакции

По техническим причинам этот номер „ДТ-П" вышел с опозданием: не в декабре, как предполагалось, а в январе.

ИСКУССТВА В ДЕТРОЙТЕ

От Ред.: Выдвинутый Ф. Ч. вопрос о создании анархического печатного органа на английском языке, можно решить несколько иначе, — проще и, пожалуй, быстрее. В Лондоне регулярно выходит еженедельная газета „Фридом", основанная свыше 75 лет тому назад при ближайшем участии Кропоткина. Можно эту газету получать в нужном количестве экземпляров и распространять среди широких слоев американского населения. „Фридом", несмотря на ее небольшой объем, весьма содержательная газета, анархизм там трактуется не в узких сектантских рамках, а с разных точек зрения. Газету эту полезно читать и нам самим, а не только широким слоям американского населения. Адрес „Фридом" следующий:

Freedom Press
17 a Maxwell Road
London S. W. 6, England

Дело Труда 3

ПОМОЩЬ ЖУРНАЛУ

Гонолулу, Гаваи, Мария Тараненко — 10 д., **Дин,** Нью Дж., Горбацевич — 75 д., в фонд журнала и 20 дол. за проданные номера, **Лос Анжелес,** Атрик — 5 д., **Абердин, С. Дакота,** Русецкий — 1д., **Ватербури,** Кон., Безув — 5 д., **Джексон,** Ореховский — 5 д., **Поланд,** Охайо, С. Медынич — 10 ., Шумко — 5 д., Семенос — 5 д., Кубик — 5 д., **Сан Франциско,** Н. Кочергин — 2 д., **Детройт,** Сабодаш — 5 д., Сивко — 5 д., **Торонто,** П. Пенев — 5 д., Гронский — 5 д., Н. Шабан — 10 д., **Хемстед,** Нью Йорк, Н. Р.-ха — 5 д., **Брыджпорт,** Кон., Кердаль — 5 д., **Чикаго,** Постоянный Читатель — 16 д., **Монтреал,** Кан., Резанович — 5 д., **Нью Йорк,** А. Громм — 25 д., С. Данилюк — 5 д., П. Б. — 10 д., **Нью Хейвен,** Кон., Ба-ш — 10 д., Е. Бура — 3 д., **Брукфилд,** Иллиной, Читатель — 10 д., **Балтиморе,** М. Жук — 3 д.

„НОВЫЙ ЖУРНАЛ"

Общественно-политический и литературный орган. — Выходит периодически в форме большой книги.

Адрес:
NEW REVIEW
2700 Broadway New York, 25, N. Y.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ „ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ"